

Элена Томсетт

**Закованные в броню.
Книга 3**

Элена Томсетт

Закованные в броню. Книга 3

«Автор»

2025

Томсетт Э.

Закованные в броню. Книга 3 / Э. Томсетт — «Автор», 2025

Вернувшись в Литву по просьбе жены, князь Острожский снова вступает на службу к великому литовскому князю Витовту и активно участвует в международной политике литовского владыки. Эвелина, согласно заключенному с мужем договору, также появляется в столице Литвы - Вильне, и тут же оказывается вовлечена в бурную событиями жизнь при дворе. Очень скоро в жизнь молодой четы вмешиваются неожиданные обстоятельства - к Эвелине начинает проявлять интерес испанская тетушка ее мужа, бывшая когда-то подругой его покойной матери. Однако, это внимание не приносит ничего хорошего ни ей, ни ее мужу.

© Томсетт Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Элена Томсетт

Закованные в броню. Книга 3

Часть первая

Глава 1

Мадрид, Испания, 1417 г.

Герцог Монлери, наследник могущественного рода де Монсада, прибыл в Мадрид со своим сыном и тетушкой, вдовствующей герцогиней де Монсада, зимой 1417 года. После смерти старого герцога прошел почти год, но, несмотря на то, что его кандидатура на наследство была одобрена испанским королем еще при жизни старого герцога, последний пожелал личной встречи с ним, прежде чем тот положит себе на голову вторую герцогскую корону. Вероятной причиной этого был тот факт, что наследник огромного богатства де Монсада являлся не испанцем, а был северного происхождения.

Первая аудиенция короля и герцога Монлери состоялась при закрытых дверях и продолжалась почти час. После этого герцог был официально, со всеми приличествующими случаю церемониями, представлен при дворе испанского короля в качестве нового носителя титула герцога де Монсада. Красивый и сказочно богатый, он обещал стать невероятно популярным при дворе, но, несмотря на всю благосклонность монарха и благоволение испанских грандов, редко и весьма неохотно принимал участие в придворной жизни. Все его внимание было поглощено делами о вхождении в права наследства.

Вместо него фурор при королевском дворе произвел его шестилетний сын. Придворные дамы были в восторге, увидев красивого золотоволосого мальчика с необыкновенными темно-синими искристыми глазами, обрамленными темными длинными пушистыми ресницами, хорошо сложенного и неизменно вежливого, как настоящий сеньор. Маленькая инфанта буквально влюбилась в необычного мальчика, и не желала расставаться с ним, как с любимой игрушкой. Андреас де Монсада, как называли маленького князя Андрея Острожского при испанском дворе, оказался достаточно знатным грандом, чтобы, к зависти всех придворных, получить место при дворе и при маленькой инфанте.

– Это невозможно, но твой сын кажется еще более совершенным созданием, чем был ты в его возрасте! – посмеиваясь, говорила герцогу Монлери его испанская тетушка, Лусия де Монсада однажды утром, когда они пили чай на открытой веранде их городского дома в Мадриде. – Его мать, должно быть, потрясающе красивая женщина. Почему ты не привез с собой жену, Луис? Я же вижу, ты по ней скучаешь.

Герцог почувствовал себя так, словно она воткнула ему в сердце нож. Все это время образ его жены, Эвелины Острожской, не оставлял его ни на минуту, а обстоятельства их размолвки и расставания не давали ему покоя. Хуже всего было то, что он знал, что во всем происшедшем была его вина. В минуты просветления от мыслей о том, сумеет ли Эвелина простить его, он принимался винить ее за то, что именно она своим поведением, своим неверием в него подтолкнула его к измене; в том, что она не захотела понять его и принять его выбор. Затем он принимался сомневаться в правильности своего выбора, если в результате него он потерял любимую жену. Вконец измученный этими мыслями, несколько раз он даже пробовал было найти забвение в объятьях жриц любви, но вскоре оставил эти бесплодные попытки, которые не приносили ему желанного облегчения, но, казалось, еще больше отдаляли от него сына.

Слова тетушки всколыхнули невольные воспоминания. На какую-то долю секунды он неожиданно ощутил все: запах волос Эвелины, гладкость ее кожи, вкус ее губ, мягкую податливость ее тела, ощущение захватывающего дух восторга в тот момент, когда он любил ее и она отвечала ему взаимностью. Его лицо непроизвольно исказилось от испытываемой им душевной боли.

Герцогиня в удивлении смотрела на него.

– Ты здоров, Луис?

Герцог провел рукой по глазам, словно стараясь стереть облик Эвелины из памяти.

– Лусия! – Андрей выбежал на веранду, еще не замечая сидевшего в кресле к нему спиной герцога. – Можно я поставлю копию с портрета сеньоры Контарини, которую вы привезли из Италии, в мою комнату? Она так похожа на мою маму!

– Ну конечно, Андреас, – улыбаясь мальчику, ответила герцогиня, покосившись краем глаза в сторону герцога. – Что, твоя мама такая же красавица, как девушка с портрета?

– Нет, моя мама гораздо красивее! – серьезно сказал Андрей. – Просто дама с портрета похожа на нее, как сестра.

– Зачем ты поощряешь его, Лусия? – устало спросил герцог, когда Андрей, так и не заметив его, убежал в дом.

– Что случилось между тобой и твоей женой? – вместо ответа спросила герцогиня де Монсада. – Вы поссорились? Она не хотела уезжать из Польши? И почему Андрей так холоден с тобой?! Что произошло?!

– Слишком много вопросов, тетушка. Если тебе так интересно, спроси Андрея.

Герцогиня де Монсада сердито поставила бокал с недопитым лимонадом на стол.

– Я уже спрашивала! – сказала она. – Андреас не хочет говорить об этом! Так же, как и ты! Знаешь, у меня сильное желание самой отправиться в Польшу и посмотреть на эту женщину, которая разрешила такому мужчине, как ты, уехать в Испанию одному, не опасаясь того, что он будет изменять ей направо и налево.

Герцог иронично улыбнулся.

– Разве у меня такая плохая репутация, Лусия?

– У тебя вообще нет никакой репутации! – сердито сказала испанка. – При дворе только и говорят о том, что новый герцог де Монсада добродетелен, как монах! Это никуда не годится. Тебе надо завести пару интрижек, чтобы улучшить свой имидж, или привезти в Мадрид свою жену! Увидев, какая она красавица, сплетники моментально закроют рты!

Лениво развалившись в кресле, герцог подставил лицо с закрытыми глазами под лучи еще нежаркого утреннего солнца и некоторое время в молчании слушал экспансивную речь своей тетушки.

– Ну чего ты молчишь, Луис! – наконец, закончила свою долгую тираду герцогиня.

– Я стараюсь понять, чего ты добиваешься, Лусия? – открывая глаза, спросил герцог. – Если ты хочешь, чтобы я завел интрижку в целях улучшения своего имиджа при дворе, я могу попытаться. Только сразу заявляю тебе, что женщины меня не интересуют.

– Все, кроме твоей жены?

– Именно так. Но моя жена предпочла остаться в Польше.

– Почему?! – возопила Лусия.

– Это не твое дело, Лусия. Мои отношения с женой принадлежат к области моей личной жизни. Мы с тобой давным-давно договорились о том, что ты никогда не встречаешь в эту область.

– Но я же вижу, что ты несчастлив без нее!

– Ну и что с того? Чем ты можешь мне помочь?

– Как я могу тебе помочь, если я не знаю, в чем дело?! Боже мой, Луис, расскажи мне, что произошло, и я постараюсь сделать все, что в моих силах!

– Что именно, Лусия?

– Все, что угодно! Я сделаю для тебя все, что ты попросишь, Луис! – вскричала герцогиня де Монсада, в порыве чувств вскакивая со своего кресла.

Герцог вздохнул и, прищурился глазами от солнца, посмотрел на нее и, как ей показалось, мягко спросил:

– Ты заставишь ее полюбить меня?

Лусия де Монсада вскинула голову, как боевой конь, услышавший звуки горна.

– Чушь! Как можно тебя не любить?! Она же вышла за тебя замуж!

– Замуж! – герцог безнадежно махнул рукой, чуть не снеся со стола запотевший бокал с недопитым лимонадом. – Что ты об этом знаешь! Второго такого идиота, как я, нужно еще поискать!

Герцогиня задумчиво взглянула на него и в глазах ее появилось странное выражение.

– Ты жалеешь о том, что на ней женился, Луис?

– Нет! – тут же категорично отозвался герцог.

– Так в чем же дело?

– Лусия, оставь меня в покое!

Герцог откинулся на спинку кресла и снова закрыл глаза, явно демонстрируя всем своим видом, что он устал от этого разговора.

– Имей в виду, Луис, я не отстану от тебя до тех пор, пока ты не скажешь мне, что произошло! – вскипела герцогиня. – У меня нет сил смотреть на тебя, когда ты даже думаешь о ней! У тебя на лице такое выражение, словно ты болен! Это ненормально! Если понадобится, я сама поеду в Польшу, поговорю с ней и привезу ее к тебе!

– Она тебе изменила? – помедлив, спросила она, так и не дождавшись реакции герцога на свои последние слова.

– Лусия!

– Тогда забудь ее! Ведь ты женился на ней, когда жил в этой варварской стране, Польше или Литве, я так и не поняла, в какой из них, и женился под именем литовского князя? Я найду тебе другую невесту, испанку, итальянку, или, если хочешь, француженку! Зачем тебе женщина, которой ты не нужен?!

– Я люблю ее.

Герцог бездумно смотрел в вышину синего, без единого облачка, неба.

Остановившись в дверях на веранду, Андрей, вернувшийся, чтобы спросить герцогиню де Монсада разрешения на верховую прогулку, неожиданно заметил сидящего спиной к нему в плетеном кресле на веранде отца, который разговаривал с тетушкой Лусией. Он немного подумал и не стал входить на веранду или как-либо обнаруживать свое присутствие. Вместо этого он стоял и слушал, что говорил отец. Он знал, что с того момента, как они покинули Остроленку, он всегда вел себя с отцом отстраненно вежливо, не более; и он также подозревал, что отец догадывается о причине его поведения. Андрей ни разу не спросил отца, что произошло в тот день между ним и матерью; ту версию происшедшего, которую он узнал в замке от слуг, он даже не хотел повторять. Он был, в некотором смысле, зол на отца за то, что, так или иначе, его поведение разлучило их с матерью, но он не мог не замечать, что все это время отец был откровенно несчастлив без нее.

Теперь, стоя в тени, он решил, что выслушает версию отца и так же, как и герцогиня, попытается сделать все от него зависящее, чтобы восстановить статус-кво. Он тоже сильно скучал по матери.

– Любишь?! – возопила тем временем герцогиня. – Это ты называешь любовью?! Ты, что, решил поиграть в героев рыцарских романов?! Ты не ешь, не спишь как следует, у тебя совсем нет секса. Ты здоровый молодой мужчина, что ты вытворяешь?! Даже в Венеции, семь лет назад, когда ты потерял память, ты вел себя лучше!

– Лусия, тебе еще не надоело? – устало спросил герцог.

– Нет, я от тебя не отстану! Если ты не можешь забыть ее, тогда прости ей измену! Вернись и заведи ее из Польши!

– Лусия, это я совершил ошибку, – помолчав, наконец, неохотно сказал герцог, отрываясь от созерцания весеннего неба.

– Какую ошибку, Луис? – тихо спросила герцогиня, боясь спугнуть его откровенность.

– Какую? – герцог невесело усмехнулся. – Это она застала меня с другой женщиной. Этого довольно, Лусия? Ты удовлетворена?

Герцогиня де Монлери казалась озадаченной.

– Она застала тебя с другой женщиной? Ушам своим не верю! Тебя же не интересуют другие женщины, как ты совсем недавно заявил мне в довольно категоричной форме!

Герцог вздохнул и промолчал.

– Так получилось, Лусия, – отстраненно произнес он через некоторое время, когда донна Лусия уже не ожидала ответа на свой вопрос. – Это произошло в тот день, когда в присутствии двух королей, польского и литовского, и мазовецкой принцессы с сыновьями, мой дед открыто заявил о моем нелегитимном происхождении. Эвелина и Андрей тоже присутствовали при этом.

Лусия де Монсада вскрикнула от ужаса и поднесла руку к губам.

– Боже мой! Он что, с ума сошел, что ли?!

Теперь уже герцог поднялся из кресла, подошел к перилам веранды и посмотрел на расстилавшийся перед ним городской пейзаж. Не поворачиваясь к Лусии, он продолжил говорить, и голос его звучал так обреченно и безжизненно, что Андрею до слез стало жалко отца.

– Дед сделал это потому, что хотел, чтобы я остался в Литве, – продолжал герцог. – К несчастью, это произошло после того, как Эвелина практически согласилась уехать со мной и Андреем в Италию. Я ни словом не обмолвился ей о том, что я незаконный сын короля Людовика Анжуйского и Алиции Острожской, и, таким образом, больше князь Острожский, чем герцог Монлери. Они пытались использовать ее, чтобы заставить меня остаться в Литве.

– Бог мой, Луис! Мне так жаль! – воскликнула испанка, прижимая руки к груди от избытка чувств.

– Эвелина очень красивая женщина, Лусия, – продолжал герцог, не обратив внимание на ее восклицание. – И очень необычная. У нее много поклонников при польском дворе, в том числе среди особ королевской крови. Достаточно сказать, что перед тем, как я появился в Польше, польский король серьезно подумывал сделать ее своей новой королевой. Когда она узнала, кто я такой на самом деле, она заявила, что останется княгиней Острожской. Я был очень зол, что она позволила другим людям оказывать давление на себя, на меня и не стала на мою сторону. Словом, король предлагал ей брак, я мог предложить только развод. Я не был с ней откровенен, я скрывал от нее правду о своем происхождении до самого конца.

Лусия де Монсада в немом отчаянии только покачала головой.

– В ту ночь она закрыла для меня двери своей спальни, – герцог взъерошил свои густые каштановые волосы, которые при свете солнца отливали цветом темного золота. – Я был так взвинчен и раздражен, что просто вышиб дверь и настоял на том, чтобы она пришла ко мне в опочивальню.

Широко раскрыв глаза от изумления, Лусия де Монсада неверяще смотрел на герцога. Андрей затаил дыхание: он слышал, как слуги шептались об этом, гадая, что же произошло между супругами в ту ночь, что заставило герцога поступить подобным образом.

– Ты сделал ... что? – слабым голосом переспросила герцогиня де Монсада.

– Ты все правильно поняла, Лусия, – усмехнулся герцог. – Я вышиб дверь.

– Я не это имела в виду! – отмахнулась от него Лусия де Монсада, вставая и подходя к герцогу, чтобы лучше видеть выражение его лица. – Что ты имел в виду, Луис, когда сказал, что ты настоял на том, чтобы она пришла к тебе в опочивальню? Ты что, ее изнасиловал, что ли?!

Герцог некоторое время молчал.

– Луис! Отвечай немедленно! – не выдержала Лусия.

– Как бы вам это сказать, тетушка, – наконец, медленно, тяжело роняя слова, произнес герцог. – Я хотел поговорить с ней, объяснить ей... и я повел себя невыразимо глупо. Я хотел, чтобы она забыла обо всем, что было сказано в этот проклятый день. Я хотел, чтобы она принадлежала мне целиком и полностью; чтобы она не могла и думать ни о чем, кроме того, что она принадлежит мне и только мне, что она моя плоть и кровь, и она не может оставить меня, что бы ни произошло. Я хотел, чтобы она согласилась пойти за мной на край света, чтобы она дала мне карт-бланш. Я хотел убедиться в ее любви. Словом, я вел себя как последний болван! Она необыкновенная и очень сильная женщина, прекрасная и нестигаемая, как благородная сталь клинка. Я был так глуп, что попытался сломать ее!

Прижав к губам ладонь, герцогиня слушала его с почти суеверным ужасом. Герцог уже не мог остановиться, воспоминания о той ночи жгли его огнем.

– Когда она ушла, так и не дав мне того, что я хотел, – резко и отрывисто продолжал он. – Я почувствовал, что я должен получить разрядку от той злости и разочарования, которые я испытал при напоминании деда о том, что я никто иной, как королевский ублюдок. И я только что доказал это самому себе, так по-свински обошедшись с женщиной, которую я боготворил.

– Луис, это не так! – почти со слезами на глазах вскричала герцогиня.

– Мало того, – не слушая ее, продолжал герцог, – этот факт теперь знали все: короли Ягайло, Витовт, княгиня Александра и ее сыновья, друзья моих детских лет и будущие короли Мазовии. Я был зол. Я был неудовлетворен. Я чувствовал, что я теряю Эвелину, которую я просто не мог потерять! Словом, я не нашел ничего лучшего, как напиться до беспамятства, а затем получить облегчение с одной из шлюх, которых везде таскает за собой мой друг, граф Энрике Контарини. Именно этот момент маленький граф Бартоломео Контарини выбрал, чтобы наглядно продемонстрировать моей жене, какого рода мерзавцем я являюсь. Честно говоря, в тот момент я сам ненавидел себя больше, чем кто-либо другой. На следующее утро она сбежала с моим дедом в Вязьму.

– Ты не попытался ее вернуть? – через некоторое время негромко спросила Лусия де Монсада.

– Попытался. Она не стала даже разговаривать со мной. И я не могу ее за это винить! Она поступила благородно, позволив мне забрать сына. Я даже думать боюсь, что услышал Анри от слуг, всюю обсуждавших мое скандальное поведение между собой!

Лусия де Монсада подошла и положила руку ему на плечо.

– Твой сын Андреас умный мальчик, – сказала она.

– Это правда, – герцог вздохнул. – Но Анри очень любит мать. Он скучает по ней. Боюсь, что он никогда не сможет меня простить.

– А Эвелина?

– Видишь ли, Лусия, – герцог снова смотрел в пространство перед собой. – Узы, связывающие нас с Эвелиной настолько сильны, что мы можем вытащить друг друга с того света. Я чувствую ее боль... Надеюсь, она может чувствовать мою! Когда она снова позовет меня, я приду. Сейчас она просто не хочет слышать меня. Но это пройдет. Я должен просто ждать. Но я не могу ждать!

Герцог отошел от перил и взволнованно заходил по веранде. Лусия де Монсада некоторое время, раздумывая, смотрела на него, а потом несколько раздраженно сказала:

– Остановись, ради бога, Луис! У меня уже в глазах рябит! Вы, мужчины, не перестаете меня изумлять. Знаешь, на ее месте, я бы тоже обиделась!

Андрей вышел из тени и почти бегом пересек веранду, в дальнем углу которой остановился отец. Герцог обернулся на звук его шагов, увидел Андрея и на лице его отразилось сначала удивление, а затем некоторое замешательство.

– Анри? – вздернув бровь, вопросительно произнес он, по обыкновению называя сына на французский манер.

– Папа, – Андрей с волнением смотрел в лицо отца, как обычно, испытывая чувство гордости и восхищения от того, что этот красивый, высокий и сильный мужчина являлся его отцом.

– Что случилось, Анри?

– Прости меня, отец, – Андрей смотрел прямо в лицо герцога, и тому на секунду вдруг показалось, что он смотрит в светлые глаза Эвелины, настолько манера смотреть и цвет и разрез глаз Андрея напомнили ему жену. – Мама просила передать тебе это... А я забыл!

Андрей протянул герцогу руку, в которой сверкнула на солнце тонкая цепь, заканчивающаяся католическим крестом.

– Записка? – спросил герцог, принимая из его рук цепочку и внимательно разглядывая крест, слишком крупный для того, чтобы принадлежать женщине.

– Ах, да! – Андрей вытащил из кармана смятый листок бумаги.

Герцог развернул записку и у него упало сердце – записка была написана знакомым почерком его покойной матери. Даже не отдавая себе отчета в том, что он делает, он мгновенно прочитал ее от начала до конца. *«Милая Эвелина, – писала Алиция Острожская двадцать лет назад. – Я пишу эту записку для тебя и кладу ее в ларец со своими драгоценностями. Когда ты станешь его женой, ты получишь ларец и, рано или поздно, найдешь эту записку, а вместе с ней и крест Людовика, который теперь принадлежит Львенку. Отдай ему крест и записку, девочка. Этот крест является ключом к тайнику, о котором знаем только я и мой сын, потому что мы создали его вдвоем. Мой дорогой Львенок, вспомни, что мы делали летом того года, когда погиб Волк. В тайнике то, что искали все, но не нашел никто. Это принадлежит тебе. Делай с ним, что пожелаешь, но помни – быть королем трудное и неблагодарное занятие, лучше остаться просто человеком, жить, любить, страдать и умереть свободным. Прощай, сын!»*

– Что это? – герцогиня де Монсада с тревогой смотрела в побледневшее лицо герцога. – Андреас? – она повернулась за ответом к мальчику.

– Я не знаю, – тот пожал плечами.

– Анри!

Герцог смял записку и положил в карман своего камзола, а затем наклонился и неожиданно подхватил Андрея на руки. Андрей уперся вытянутыми руками в его широкие плечи и с веселым изумлением смотрел ему в лицо. Темно-синие глаза мальчика искрились смехом.

– Что ты делаешь, Луис! – вскричала герцогиня. – Сейчас же поставь его на место! Ты надорвешься!

– Почему ты сразу же не отдал мне записку и крест? – тихо спросил герцог, глядя прямо в глаза сыну.

– Я был зол на тебя, – также тихо ответил Андрей.

– Почему ты решил отдать записку именно сегодня?

– Я подслушал ваш разговор с Луисией! – Андрей подкупающе улыбнулся. – Знаешь, отец, она права, я умный мальчик. Конечно же, я слышал все то, что говорили про тебя в замке. Но мама любит тебя. И я тебя люблю. Значит, ты не так безнадежен. Поехали домой! Она уже скучает по нам!

Герцогиня де Монсада несколько раз сморгнула, изумленная прямоотой шестилетнего мальчика, в то время как герцог откровенно рассмеялся.

– Ты меня убедил, Анри! – сказал он, с удовольствием разглядывая чистое лицо сына, обещавшего с возрастом превратиться в необычайно привлекательного молодого человека. – Мы возвращаемся!

– Что она написала? – негромко спросила герцогиня де Монсада, с облегчением вздыхая.

– Кто?

– Твоя жена.

– Это была записка от моей покойной матери, – рассеянно ответил герцог, думая о своем. – Эвелина нашла ее в ларце с драгоценностями матери и передала с Андреем.

– Записка от Алиции Острожской? – изумленно переспросила герцогиня. – Голос с того света? Что она хотела от тебя?

– Ничего. Она просила меня кое-что сделать.

Герцог поставил Андрея на пол.

– Беги, малыш. Ты, кажется, хотел совершить верховую прогулку?

– Поехали вместе! – с загоревшимися глазами предложил Андрей. – Я тебя точно обгоню! А то они не разрешают мне быстро ездить. Сразу начинают кричать: «Ты убьешься, ты убьешься!». Хуже, чем мама!

– Хорошо, – с невольной улыбкой на губах согласился герцог. – Только дай мне полчаса. Иди, выбери коней и прикажи седлать их.

Андрей пулей вылетел в коридор, подпрыгивая от возбуждения и предвкушения прогулки.

– Что она хотела от тебя? – повторила свой вопрос герцогиня после того, как Андрей исчез из виду.

Ее лицо было серьезным, темные глаза поблескивали от едва сдерживаемого гнева.

– Почему она даже с того света не оставит тебя в покое?! – не сдержавшись, выпалила она, не дожидаясь ответа. – Я думала, что твоя жена, эта польская девочка, наполовину итальянка, окажется умнее и просто выбросит эту записку! Но она больше полька, чем итальянка! Я зря позволила Алиции настоять на этом браке, мне нужно было женить тебя в Италии или во Франции!

Герцог в удивлении смотрел на покрасневшее лицо Лусия.

– Что-то вы слишком разгорячились, тетушка. В чем дело?

– В чем дело?! – взвилась донна Лусия. – Мать наверняка просит тебя найти бумаги! Бумаги о твоём законе рождения, которые существовали только в её воображении! Сколько людей уже заплатили своей жизнью за эту несуществующую тайну! Теперь она хочет, чтобы ты тоже ввязался в драку!

– Вы ошибаетесь, тетушка, – сдержанно сказал герцог.

– Но ты возвращаешься в Литву! Зачем? Что тебе на месте не сидится? Нас так хорошо приняли при дворе!

– Я возвращаюсь в Литву потому, что, как образно выражаются итальянцы, я оставил там свое сердце. Я думал, что вы поняли это, тетушка.

– Вздор! – в раздражении воскликнула герцогиня. – У мужчин нет сердца!

– Что же у них есть, тетушка? – забавляясь ее горячностью, поддразнил ее герцог.

– То, что у них в штанах! – всерьез высказалась Лусия де Монсада. – Это заменяет им и сердце, и разум. И ты не исключение, Луис!

– Вы правы, тетушка, и вы знаете это. Отчего вы так расстроились?

Герцог внимательно смотрел на герцогиню де Монсада, слишком раздраженную тем, что только что произошло на ее глазах, чтобы заметить, как пристально он за ней наблюдает.

– Луис, ты должен пообещать мне, что не будешь искать эти чертовы бумаги! – категорично потребовала она, наконец. – Поклянись мне!

– Тетушка, мне уже не семь лет, чтобы давать подобные клятвы. Я буду делать то, что считаю нужным.

– Луис, это опасно!

– Успокойтесь, Лусия. Что может быть опасным в этих, по вашему мнению, несуществующих бумагах? Они были важны только для меня и моей матери.

– Чем это они важны для тебя? – фыркнула герцогиня.

– Когда я найду их, я буду знать наверняка, кто мой отец и являюсь ли я королевским бастардом, – отвечал герцог. – Это много значит для меня лично. Я не собираюсь ничего и никому доказывать. Я хочу быть уверен в этом ради себя самого. Слишком много тайн и смертей окружало меня я того момента, как я себя помню!

Герцогиня де Монсада взволнованно ходила по террасе.

– Ты сын короля Людовика Анжуйского и ты знаешь это. Все, кто встречался с Людовиком, могут подтвердить это, лишь взглянув на тебя, так ты похож на своего отца. Что еще тебе нужно?!

– Лусия, ты не понимаешь, или просто делаешь вид, что не понимаешь? – герцог смотрел ей прямо в глаза. – Моя мать умерла за эти бумаги. Значит, в них было нечто стоящее, ты не думаешь об этом?!

– Алиция играла в опасные игры! Она хотела сделать тебя королем!

– Почему?! Согласись, Лусия, мать не была слабоумной! Значит, у нее было нечто, что позволяло ей делать подобные заявления, а тем, кто ее убил, верить в то, что она не блефует!

– Тем не менее, она блефовала!

– Откуда ты знаешь, Лусия?

Герцогиня де Монсада перевела дух, взглянула в серьезное лицо герцога и неожиданно для него, совершенно мирным тоном, который, тем не менее, не мог обмануть герцога, сказала то, что она намерена сделать. Сказала так категорично, что герцог ни на минуту не усомнился, что она сделает так, как обещала:

– Тогда я поеду с тобой и Андреасом. Заодно познакомлюсь с твоей женой.

– Вы сделаете что? – подняв бровь, недоверчиво переспросил герцог. – Это шутка, тетушка?

– Нет, Луис! Шутки кончились. Мы едем в Литву! – вскричала испанка. – Уверена, что твой дедушка будет очень рад меня видеть! Он ведь всегда терпеть меня не мог.

– Лусия! – только и смог произнести изумленный герцог. – Что ты собираешься делать в Литве?! Ты даже не говоришь ни на одном из принятых там языков!

– Ну и что с того! – пожалала плечами Лусия де Монсада. – Я вполне прилично владею немецким, который является вторым языком при польском дворе. Кроме того, твой дед и твоя жена говорят по-немецки, а Эвелина еще и по-итальянски. Не беспокойся, Луис, я буду чувствовать себя с ней, как дома! Может быть, я даже уговорю ее приехать и погостить у меня в Венеции. Учитывая тот факт, что ты и Андрей просто жить не можете без нее, я получу вас в добавлении к ней как бонус! Шучу-шучу, Луис! Я буду паинькой, обещаю.

Герцог некоторое время молчал, словно обдумывая ее слова, потом прошел через всю веранду и снова уселся в удобное плетеное кресло возле низкого стола, на котором стоял запотевший графин и бокалы с лимонадом.

– Почему ты молчишь, Луис? – обеспокоенно спросила Лусия.

– Лусия, боюсь, что Эвелина вовсе не пушистый котенок, как ты себе вообразила, – отпив из своего бокала, несколько сдержанно сказал, наконец, герцог. – Она очень красивая и очень жесткая молодая женщина. Она выжила в рыцарском замке, оказавшись там пленницей в 14 лет; она нашла способ управлять моим дедом, который, как ты знаешь, вообще неуправляем. Польский король ест у нее из рук, Витовт восхищается ее мужеством при Грюнвальде; молодые

мазовецкие князья – ее большие поклонники, и сама Александра Мазовецкая предпочитает видеть ее на стороне своих друзей, а не врагов.

– Это предупреждение, Луис? Ты за меня боишься, что ли? – с веселым изумлением спросила герцогиня де Монсада.

– Вы не поверите, тетушка, но это так. Моя покойная мать, Алиция Острожская, покажется вам сентиментальной барышней по сравнению с Эвелиной.

– И ты говоришь, что ты влюблен в эту женщину?! – озадаченная его серьезностью, спросила герцогиня.

– Влюблен? – переспросил герцог, некоторое время помолчал, а потом с непонятной для герцогини усмешкой добавил: – Вы романтик, тетушка! Я не просто влюблен в нее: она владеет мною, она играет со мной, она управляет мной, она значит для меня больше, чем жизнь и смерть, больше, чем что-либо в моей жизни!

– Больше, чем твой сын? – тихо спросила герцогиня де Монсада, стараясь скрыть неприятное изумление от его слов.

– Мой сын – это часть ее, я вижу ее в каждой улыбке, которую он дарит мне; слышу ее в каждом слове, произнесенном им для меня.

– Она околдовала тебя! – с неким суеверным ужасом прошептала герцогиня.

– К несчастью, нет, – герцог искривил губы в невеселой усмешке. – Если бы она околдовала меня, моя литовская кузина Эльжбета Радзивилл уже бы давно предложила мне отворотное зелье. Кстати, тетушка, если вы серьезно намерены поехать с нами в Литву, я познакомлю вас с настоящей ведьмой. Моя маленькая литовская кузина превратилась в очень сильную и опасную колдунью.

– Малышка Элинор? – поразились Лусия де Монсада, широко открывая глаза. – Какой кошмар!

– Конечно, ей далеко до наших итальянских и ваших испанских отравителей, – посмеиваясь, добавил герцог, – но свое дело она знает!

– Это, кстати, не она ли напоила тебя чем-то, отчего ты потерял память? – внезапно заинтересовалась герцогиня.

Герцог усмехнулся.

– Нет, это была не она, а ее мамочка. Ваша с Алицией подруга, между прочим, княгиня Радзивилл.

– Она всегда была дилетанткой, – согласилась Лусия де Монсада. – Самой никчемной из нас. Даже странно, что именно ее дочь получила колдовские способности. Наверное, в компенсацию за полную беспомощность матери.

– Вы что же, тетушка, подколдовывали в молодости? – поддразнил ее герцог.

– Только когда я попала в Литву! – не осталась в долгу герцогиня. – Там, по-моему, колдуют все, кому не лень. Вечером на улицу выйти страшно, что ни оборотень – все та же вредная соседская морда!

Андрей был несколько озадачен, когда, вернувшись на террасу для того, чтобы доложить отцу, что лошади готовы и они могут отправляться на прогулку, застал его и герцогиню де Монсада хохочущих во все горло, наперебой вспоминая страшилки про упырей и русалок.

Глава 2

Вязьма, Великое княжество Литовское, 1417 г.

Герцог Монлери вернулся в Литву осенью 1417 года. Даже не заезжая в Остроленку, он и Андрей напрямиком направились в Вязьму, где располагалась основная резиденция старого князя Острожского. Все дорогу герцог нещадно гнал коней, и так торопился, что его люди буквально валились с ног от усталости. Как только большой отряд, сопровождающий герцога, въехал на широкий двор господского дома в Вязьме, он спешился, подхватил на руки почти выпавшего из седла Андрея, и отдав краткое приказание командиру отряда, дону Д'Альмецио, размещать людей, быстро вошел в особняк.

Было около четырех часов вечера, и ранние сумерки дождливого осеннего дня уже спустились на землю. В доме только начали зажигать свечи, и хотя в холле уже было светло, жилые части дома были еще погружены во мрак. Не обращая внимания на отчего-то засуетившихся слуг, герцог прошел в личные покои деда и увидел того сидящим в кресле за большим письменным столом, рядом с которым застыл в угодливой позе еврей-управляющий.

– Львенок! – вскричал в удивлении старый князь. – Откуда ты взялся? Я уже не чаял увидеть тебя до зимы!

– Боже мой! – глаза старика устремились к уснувшему на руках у отца Андрею. – Что ты сделал с ребенком? Он же полумертвый от усталости!

– Я тоже.

Герцог бережно уложил сына на широкий низкий диван у стены. Старый князь несколько раз хлопнул в ладоши, и проворные бесшумные слуги подскочили к мальчику и унесли его в отведенные ему покои.

Герцог устало опустил в кресло у камина.

– Продолжайте работать, дедушка, – сказал он. – Я подожду.

– Ты тоже нуждаешься в отдыхе! – категорично заявил старик. – Ты с ума сошел, мой драгоценный внук! Разве можно было так спешить?! Посмотри на себя, на тебе же лица нет! И какая только муха тебя укусила!

– Муха по имени Эвелина, – невесело усмехнулся герцог, протягивая к огню камина ноги. – Моя жена все еще живет у тебя, или она уже сбежала в Польшу, ко двору короля Ягайло? – спросил он, немного помедлив.

– Мне не нравится твой тон, – старый князь Острожский сделал знак управляющему удалиться. – В том, что Эвелина решила остаться со мной, только твоя вина, не ее, и не моя, и уж совсем не Ягайло!

– Ну хорошо, – герцог устало вздохнул. – Эвелина все еще у тебя?

– Да. Но она по-прежнему отказывается тебя видеть.

– Почему? – вскинул голову герцог. – Разве я недостаточно заплатил за свою ошибку?! Я не видел ее почти год! Я вернулся в Литву, как она и хотела, и привез ей назад сына. Что еще я должен сделать, чтобы она простила меня? Умереть?!

Старый князь Острожский с жалостью смотрел в осунувшееся лицо герцога, на котором лежала печать усталости многодневного пути.

Стоя за дверью кабинета старого князя с другой стороны, Эвелина могла слышать каждое слово, произнесенное герцогом. Даже сам звук его голоса, чуть хрипловатого, усталого и приглушенного, вызвал тревожное волнение в ее душе. Она не видела его почти год, она запретила себе думать о нем, она почти убедила себя в том, что он останется в Италии или в Испании и никогда больше не вернется в Литву. Она научила себя не чувствовать ничего, кроме холодного безразличия, когда временами, вопреки своей воле, она внезапно начинала вспоминать прежнего, дерзкого и влюбленного в нее посланника польского короля в замке Мальборк. Не

в силах не думать о нем, она постаралась забыть все, что произошло между ними после его «воскрешения из мертвых» и, по возможности, ограничить свои воспоминания событиями шестилетней давности. Наяву ей почти удавалось это, но время от времени она просыпалась посреди ночи, вся в слезах и в поту, все от того же кошмара, который продолжал преследовать ее с неослабевающим постоянством; в этом кошмаре она вновь и вновь видела картину, которая открылась ей год назад в комнате для прислуги –откровенная в своей страсти итальянская любовница ее кузена, занимающаяся любовью с ее мужем; его нагое тело, такое знакомое, такое совершенное, познающее другую женщину и получающее удовольствие от сношения с ней. Это было невыносимо! Даже рождение шесть месяцев спустя после его отъезда его второго ребенка не могло вытравить этой картины из ее мозга.

Сейчас, стоя под дверью кабинета старого князя и вновь, уж не во снах, а наяву слыша голос Острожского, она почувствовала, как внезапно разбилась, разлетевшись на осколки, та тонкая корка холодного льда, которая защитным слоем покрывала ее душу, и горячая живая боль от его предательства мощным и сильным потоком гнева хлынула ей в душу. В панике от своей неспособности обуздать ее, она повернулась и бесшумно скользнула по коридору в направлении своих покоев.

Следующую неделю она просидела, запершись в своих покоях, не разрешая входить туда никому. С ней была только горничная, и они вдвоем ухаживали за двухмесячным Даниэлем, который, к счастью был очень спокойным ребенком и большинство времени просто тихо спал в своей колыбели. Эвелина слышала за дверями голос герцога, он просил, умолял выслушать его, поговорить с ним, но она, забившись в угол кровати, закрыв руками уши, не отзывалась. Когда однажды, потеряв терпение, он начал колотить в дверь, она в ужасе заметалась по комнате, ища убежища, но судя по всему, старый князь не разрешил герцогу ломать дверь, так, как он сделал в свое время в Остроленке, и через некоторое время, отчаявшись получить ответ, герцог угомонился.

Утром пятого дня Эвелина услышала за дверью негромкий голос старого князя Острожского.

– Эвелина, дитя мое, откройте.

Эвелина с опаской подошла к дверям.

– Он уехал? – спросила она, помедлив.

– Да, – в голосе старого князя прозвучал упрек. – Он уехал. Сегодня утром.

– А Андрей?

– Андрей остался здесь, в Вязьме. Но ненадолго, через месяц он будет принят к королевскому двору в Кракове.

Схватившись за ключ, Эвелина поспешно отперла дверь. Войдя в ее опочивальню, старый князь тут же огляделся по сторонам, пока его взгляд не упал на стоявшую в дальнем углу спальни, рядом с кроватью Эвелины, колыбель.

– Все ли в порядке с малышом? – поспешно спросил он.

Литовский магнат быстро прошел через комнату и наклонился над колыбелью внука, который родился на его глазах и которого он обожал. Маленький мальчик с золотисто-каштановыми, как у герцога, волосами тихо спал, причмокивая пухлыми красными губками во сне.

В опочивальне царил образцовый порядок, все было так, словно и не было этой пятидневной осады, во время которой прислуга тайком даже от самого князя пробиралась в покои Эвелины, чтобы принести ей еды. Сама Эвелина казалась бледной и измученной, под глазами у нее залегли темные круги, но выражение ее лица оставалось отстраненным и упрямым.

– Эвелина, это безумие! – тихо сказал старый князь, обнимая ее за плечи и привлекая к себе. – Вам надо помириться. Он вернулся, чтобы жить в Литве. Он любит тебя. Ты не сможешь долго скрывать от него рождение сына.

Он вздохнул, вспомнив, в каком бешенстве покинул поместье сегодня утром его внук, вновь принявший родовое имя молодого князя Острожского и отправившийся ко двору великого князя Витовта в Вильну. Уезжая, герцог посмотрел в грустное лицо деда и отрывисто сказал:

– Дайте знать вашей протеже, дедушка, что через месяц я вернусь за Андреем. Если она снова вздумает от меня прятаться, я разберу ваш особняк по бревнышку, но на этот раз она от меня не уйдет! Если захочет сбежать – пусть бежит к польскому двору. Ягайло, слава богу, уже успокоился и женился. Аннулировать наш брак никто не сможет, да и не посмеет. Так что пусть готовится жить со мной и рожать мне сыновей. Она хотела, чтобы я остался в Литве – я вернулся! Она хотела, чтобы я снова стал князем Острожским – я сделал это для нее! Теперь ее время платить по счетам. По-хорошему или по-плохому, она вернется в мою жизнь и мою постель. Какой путь она выберет – ей решать! Скажите ей, что я не отступлюсь. Так же, как и в Мальборке десять лет назад, я могу повторить слово в слово то, что я сказал ей тогда, в первые дни нашего знакомства – она принадлежит мне, она моя, я не отдам ее никому!

– Если тебя так разбирает, тогда научись держать свой хрен в штанах! – всердцах закричал тогда старый князь Острожский, беспомощно глядя в усталое, раздраженное лицо внука.

Теперь он с усмешкой вспомнил, как, сверкнув глазами, тот внезапно сухо рассмеялся и с многозначительной угрозой в голосе сказал:

– Я сделал ошибку, когда предположил, что ее устроит типичный брак среди аристократии нашего круга, брак без любви и верности. Я так любил ее, что был готов согласиться на это! Но, судя по всему, правила игры внезапно изменились. Если теперь она претендует на то, чтобы владеть мной полностью и без остатка, то, клянусь Богом, она это получит! Без всяких сомнений! Вместе со всеми вытекающими отсюда последствиями и обязательствами. Тогда ей будет не на кого пенять, только на саму себя!

Голос Эвелины отвлек литовского магната от воспоминаний. Большие светлые глаза молодой женщины с ожиданием смотрели в его лицо. Старый князь Острожский, весьма чувствительный к женской красоте, снова не мог удержаться от восхищенной мысли о том, как необыкновенно красива эта молодая женщина. «Боже мой, я становлюсь подобен Ягайло!» – тут же с усмешкой подумал он.

– Он... вернется? – с запинкой спросила Эвелина.

– Да, дитя мое, – старый князь улыбнулся. – Несмотря ни на что, он очень сожалеет о том, что сделал тогда, почти год тому назад.

– Он сожалеет! – повторила за ним, как эхо, Эвелина, и всердцах топнула ногой. – Всего лишь сожалеет! Если бы он застал меня, занимающейся любовью с паном Тенчинским, он бы меня убил!

Старый князь ласково опустил руку на плечо Эвелины.

– Он никогда не причинит тебе никакого вреда, девочка моя. Он тебя любит. Безумно, отчаянно, безответно. Прости его, останься с ним, и он умрет за тебя.

Эвелина передернула плечами:

– Мне не нужно, чтобы он за меня умирал! Я хочу, чтобы он жил. Единственное, что я требую от него, это верности. Я прощу его, но при условии, что он больше никогда не посмеет коснуться ни одной женщины, кроме меня. До тех пор, пока я жива! Если его это не устраивает, я буду настаивать на раздельном проживании!

Старый князь Острожский возликовал в душе. В голосе и тоне Эвелины больше не было отстраненности и холодного безразличия, в нем сквозил гнев, боль, досада и еще нечто такое, что давало ему надежду надеяться, что она сумела справиться и пережить свою боль и теперь все будет хорошо. Однако из суеверия боясь спугнуть подобную удачу, он поспешил придать своему лицу нейтральное выражение и постараться, чтобы его голос и его слова звучали так, как обычно.

– Любовь! Верность! Брак простолюдинов, – с тонкой насмешкой сказал он. – Аристократия всегда была выше этого.

– Я никогда не годилась для брака с аристократом! – резче чем намеревалась, тут же отозвалась Эвелина. – После того, как много лет тому назад, еще девчонкой, комтур Валленрод украл меня из дома и навсегда погубил мою репутацию, я должна была умереть или закончить жизнь в монастыре!

– Что ты говоришь, деточка! – живо перебил ее князь Федор. – Ты никогда не окажешься в монастыре! Ты и твоя красота уже привлекли внимание слишком многих влиятельных мужчин. Постарайся договориться со Львенком, он самый подходящий муж для тебя – он тебя любит и позволит тебе делать все, что заблагорассудится, если ты убедишь его в том, что счастлива иметь его мужем! Такой красивой и умной женщине, как ты, это ничего не будет стоить. Он уже и так почти ручной – только веревку на шею накинь, и он пойдет за тобой по доброй воле, как теленок!

Эвелина и князь посмотрели друг на друга, старый князь Острожский вдруг хитро прищурил глаз и подмигнул ей. Эвелина не выдержала и рассмеялась.

– Вы страшный человек, князь Федор!

– Какой есть! – шутливо развел руками литовский князь. – Может быть послать за Львенком и вернуть его? – проказливо, словно мальчишка, предложил он в следующий момент. – А то уж больно он убивался из-за твоего отказа даже поговорить с ним, прекрасная княгиня. Сказал, что вернется через месяц и если ты снова откажешься его видеть, то он разберет мой дом по бревнышку!

– Пусть еще немного «поубивается», – с такой же выразительной улыбкой мстительно сказала Эвелина. – Ему это полезно! В следующий раз хорошо подумает, прежде чем пойти налево!

Вопреки ожиданиям старого князя и Эвелины, герцог не вернулся в Вязьму месяц спустя. Вместо этого он прислал своих людей, которые должны были забрать Андрея и сопроводить его к польскому двору. Он также передал с посыльным два письма, одно для деда, другое для Эвелины. С замираньем сердца открыв свое письмо, Эвелина увидела всего лишь строчку, написанную четким энергичным почерком бывшего князя Острожского: «Я хочу, чтобы вы присоединились ко мне в Вильне». Письмо к деду было большим и пространным. Зная пристрастие старого литовского магната к политическим событиям, герцог подробно описывал ему ход переговоров с рыцарями Тевтонского Ордена, активным участником которых он являлся в настоящий момент. В конце письма была ироничная приписка, прочитав которую, старый князь Острожский засмеялся от удовольствия, как мальчишка.

– Я знал, что Львенок никогда не подведет меня! – пояснил он недоумевающей Эвелине. – За его вклад в переговоры с Орденом, Витовт возвращает князьям Острожским земли, которые были отняты у меня во время мятежа литовских принцев! Это замечательная новость, мое прекрасное дитя! А что у тебя?

Эвелина протянула ему короткую записку:

– Мне приказано присоединиться к нему в Вильне. Я там уже сто лет не была!

– Ты поедешь, Эвелина? – осторожно спросил старый князь, взглядываясь в выражение, появившееся на лице Эвелины.

Молодая женщина вздохнула и пожала плечами.

– Почему бы и нет, поеду. Только провожу Андрея в Краков, раз его отец так занят. Кроме того, через несколько недель состоится коронация пани Грановской, с которой мы подружались, когда я была при дворе несколько месяцев назад. Я не хотела бы пропустить тот торжественный момент, когда Ягайло провозгласит ее своей королевой! Он искренне привязался к ней и, пожалуй, даже полюбил ее! Может быть, мы успеем прибыть к польскому двору до

коронации? Заодно повидеюсь с Эльжбетой Радзивилл и Карлом. А уж потом отправлюсь в Вильну к князю.

Андрей в радостном изумлении смотрел на мать.

– Ты поедешь со мной в Краков, мама? Это правда?

– Да, Андрей, – Эвелино ласково взъерошила густые русые волосы сына. – Остановимся в доме на Подворье, где мы всегда жили, пока твой отец не решил воскреснуть из мертвых.

– В доме воеводы Ставского? – неожиданно раздался мелодичный голос герцогини де Монсада, произнесшей эту фразу по-немецки.

Эвелина обернулась и с удивлением посмотрела на темноволосую, белокожую, чем-то на минуту напомнившую ей Эльжбету, представительную даму среднего возраста, прибывшую, видимо, вместе с людьми герцога, которые привезли письма и должны были отправиться сопровождать Андрея в Краков. Эта женщина стояла в холле главного здания особняка старого князя Острожского в Вязме и, видимо, до ее прихода раговаривала с Андреем. Обратив на нее внимание, Эвелина удивилась, как она могла не заметить ее раньше.

Герцогиня Лусия де Монсада, в свою очередь, устремила пристальный взгляд на молодую женщину, о которой она столько слышала и влиянию которой на герцога она втайне завидовала. В следующий момент глаза ее широко раскрылись от изумления. Эвелина Острожская действительно была похожа на девушку с портрета Контарини, свою бабуку, но в отличие от той, ее красота была более мягкой и женственной, но одновременно более хрустально совершенной. Герцогиня де Монсада даже затаила дыхание, когда Эвелина взглянула ей в лицо своими синими, чуть светлее, чем у Андрея, глазами, чистыми и холодными, как речная вода. «Бедняга Луис, – тут же с циничной усмешкой успела подумать она, – да уж, с Алицией ее действительно трудно сравнить, эта девушка просто редкостная красавица! И, судя по всему, такая же редкостная стерва!» В ее взгляде, как и в ее красоте, сквозила хрустальная беспощадность клинка.

– Мама, это Лусия, герцогиня де Монсада, – сказал Андрей, переводя взгляд с матери на герцогиню.

Эвелина не успела ничего сказать.

– Несравненная Лусия! – послышался насмешливый голос старого князя Острожского, появившегося в это время на верхней площадке лестницы особняка, ведущей в холл. Неторопливо спускаясь по ступенькам лестницы вниз, он неприязненно смотрел на герцогиню.

– Какими судьбами? – с непонятной Эвелине издевкой спросил прибывшую он. – Я по тебе совсем не скучал, маленькая интриганка!

– Вы не меняетесь, сеньор! – со вздохом сказала в ответ герцогиня.

– С чего бы это мне меняться? – согласился литовский магнат. – В моем возрасте меняться не только трудно, но и вредно. С какими намерениями пожаловали, дорогая герцогиня? Взглянуть на Эвелину, надо полагать? Посмотреть на женщину, ради которой мой внук удрал из Испании и Италии сразу же после того, как обеспечил тебе наследство?

Герцогиня покачала головой.

– Вы неисправимы, князь! Почему бы вам не начать думать о людях больше хорошего, чем плохого?

– Хорошая идея, дорогая герцогиня, но она не относится к вам, – почти выплюнул ей в ответ старый князь, сверкнув глазами. – О вас лучше думать плохое, чем хорошее! Так, по крайней мере, не будешь обманут и разочарован впоследствии! Итак, какова же ваша программа на этот раз? Постараться втереться в доверие к Эвелине, как некогда к моей дочери Алиции, а затем уговорить ее поселиться в Италии? А если не получится, отравить или подставить ее, как вы подставили Алицию, а самой увезти Луи или Андрея в Венецию? Кто вас больше интересует на этот раз? Отец или сын?

Герцогиня де Монсада натянуто улыбнулась, растерянная градом язвительных вопросов, которыми забросал ее внезапно пришедший в дурное расположение духа старый князь. Удивленная Эвелина и раскрывший рот от неожиданности Андрей, никогда не видевшие подобного поведения от всегда ласкового и мягкого по натуре в обращении с людьми деда, в немом изумлении наблюдали за этой сценой, не в силах вымолвить ни слова.

– И вообще, я вас не приглашал, сударыня! – не на шутку разошелся старый князь. – Езжайте и живите у моего внука в Вильне, или в Остроленке, если он вас туда пустит. Но не у меня в доме! Все, разговор закончен!

С неожиданной для него силой и энергией, литовский магнат указал сухим перстом герцогине на входную дверь, затем схватил за руки Эвелину и Андрея и почти силой потащил их внутрь дома. Обернувшись через плечо, чтобы еще раз посмотреть на герцогиню, Эвелина увидела искаженное гневом лицо женщины и ее невидящий, полный ненависти взгляд, который она устремила в спину старого князя.

Вильна, Великое княжество Литовское, 1417 г.

Неделю спустя, вернувшись в Вильну, герцогиня де Монсада вскользь, открыто не жалуясь, упомянула о состоявшемся в Вязме разговоре со старым князем своему названному племяннику, официально принявшему имя молодого князя Острожского и занявшему пост посла великого князя Витовта в Мальборке, все еще остававшейся столицей Тевтонского Ордена крестоносцев. Герцог, который со времени возвращения в Литву предпочитал называться своим прежним именем, широко известным в окрестных землях, в этот момент только несколько часов назад как возвратился в Вильну из Мальборка.

– Какого черта вы вообще отправились в Вязьму, тетушка? – в голосе Острожского, который выглядел невероятно усталым, слышалось подлинное недоумение. – Вы что же, забыли, как не любит вас мой литовский дед?

– Я только хотела увидеть Эвелину! – сказала герцогиня, обороняясь.

– Вы увидите Эвелину через месяц или два, если она решит последовать моему приглашению и приедет ко мне в Вильну, – сухо сказал Острожский. – Зачем вам лишние неприятности?

– А если она не приедет? – подняла бровь герцогиня.

Острожский кивком поблагодарил молоденького оруженосца, который помог ему избавиться от нагрудника парадных лат, и только тогда взглянул на донну Лусию.

– Тогда я поеду и заберу ее сам, – коротко уведомил ее он.

– А если он тебя не пустит?

– Лусия, – Острожский тяжело вздохнул, но тем не менее, ответил ей: – Он меня пустит, не сомневайся. Как только я немного освобожусь от дел, связанных с переговорами в Мальборке, я поеду в Вязьму за Эвелиной. Если, конечно, она не появится в Вильне раньше.

– Я слышала, как она сказала князю, что собирается сопроводить Андреаса в Польшу, ко двору Ягайло, и лишь затем отправиться в Вильну! – вспомнила герцогиня.

Глаза Острожского блеснули нескрываемым торжеством.

– Она приедет! – только и сказал он.

Герцогиня заморгала глазами, удивленная его реакцией, в то время, как она рассчитывала на абсолютно противоположную.

– Луис, перед этим она поедет в Польшу, к королевскому двору, – осторожно, но с нажимом проговорила она. – Ты сам сказал, что король Ягайло весьма к ней неравнодушен!

– Вздор! – Острожский прошел в столовую своих покоев в королевском дворце Вильны, предоставленных ему великим князем, и, не оглянувшись на проследовавшую за ним донну Лусию, уселся за стол, кивнув в ответ на предложение слуги подавать ужин. – Ягайло уже снова женился, – добавил он после того, как донна Лусия молча присоединилась к нему за столом. –

Правда, большая половина его двора не одобряет выбора королевы. В том числе и дражайший пан Олесницкий.

– Какая разница! – закричала герцогиня. – Она все равно может просить короля о разводе!

С непонятным ей выражением в темных глазах, Острожский пристально взглянул на герцогиню.

– Вам-то какая печаль, Лусия? Что это вы так разгорячились?

– Вот теперь ты очень похож на своего деда! – огрызнулась донна Лусия. – Мне просто очень понравилась твоя жена, она такая красавица! Будет жаль, если она уплывет прямо у тебя из рук!

– Лусия, я хочу предупредить вас.

Острожский выпрямился на стуле, его лицо снова стало серьезным, а в глазах зажглись искры, обычно не предвещающие ничего хорошего собеседнику, даже несмотря на то, что он оставался совершенно спокоен и невозмутим.

– Если Эвелина захочет со мной развестись, она разведется, – медленно проговорил он, не спуская глаз с лица донны Лусии. – Я не собираюсь ее принуждать, хотя без конца повторяю это вслух для нее и для деда. В этом случае, чтобы вы сильно не обошались, я обещаю вам, Лусия, что никогда больше не женюсь. Если вы попытаетесь вмешаться в мои отношения с Эвелиной, все равно из добрых или не из добрых намерений, я отправлю вас назад в Испанию без каких-либо объяснений или оправданий с вашей стороны. Вы поняли меня, тетушка?

Герцогиня кивнула, понимая, что в данном случае ей следует с ним согласиться. Однако она не смогла удержаться от обиженного замечания:

– Конечно же, ты прав, Луис. Это твое дело. Прости меня. Но мне так понравилась Эвелина! А он не дал мне даже словом перемолвиться с ней! Теперь он наговорит ей обо мне всяких ужасов, и она вообще не захочет со мной разговаривать!

– Тетушка, вы меня пугаете, – Острожский насмешливо улыбнулся. – С каких это пор вы стали расстраиваться из-за того, что другая женщина не захочет говорить с вами?

– Это не просто другая женщина! – надула губы герцогиня. – Это прекрасная Эвелина Монлери, моя невестка!

– Вы говорите сейчас прямо как польский король, – поддел ее Острожский. – С одной лишь разницей, что он называет ее Эвелиной Острожской. Вы, часом, не влюбились в мою жену, тетушка? Вот уж никогда не замечал за вами подобных наклонностей!

Герцогиня сначала побледнела, потом покраснела, хотела было что-то сказать, но видно было, что в последний момент удержалась и, в притворной обиде поджав губы, наконец, вымолвила совершенно нейтральное:

– Перестань смеяться надо мной, Луис!

– Тогда перестаньте нести чушь, Лусия! – в голосе Острожского не было уже никакого намека на шутку, только холодное предупреждение. – Оставьте нас с Эвелиной в покое. Дайте нам самим разобраться с нашими взаимоотношениями.

– Но ты совсем ничего не делаешь для этого! – снова, не удержавшись, всплила герцогиня. – Вот уже несколько месяцев, как ты вернулся в Литву, а ты ее еще даже не видел!

– Лусия, я в последний раз прошу вас остановиться!

Острожский гибко поднялся из-за стола. Герцогиня тут же вскочила со своего места и подбежала к нему.

– Луис! Прости меня! Я просто забочусь о тебе!

Острожский вздохнул и, предотвращая поток ее извинений, перемешанных с упреками и просьбами о понимании ее положения, произнес, завершая разговор:

– Завтра утром, после разговора с Витовтом, я, скорее всего, снова поеду в Мальборк. Постарайтесь вести себя прилично, тетушка. Имейте в виду, я больше не хочу слышать о ваших разборках ни с моим дедом, ни с моей женой. Надеюсь, что вы меня поняли.

Вязьма, Великое княжество Литовское, 1417 г.

Несколькими днями ранее, немного погодя после примечательной сцены в холле особняка старого князя Острожского в Вязьме, Эвелина и литовский магнат также говорили о герцогине де Монсада.

– Стоило ли вам так поступать с этой женщиной, князь? – голос Эвелины был спокоен и мелодичен, как если бы они обсуждали погоду на завтра.

– О-о, это не женщина, это – просто ядовитая змея, дитя мое! – живо отозвался князь Федор. – Держись от нее подальше, умоляю тебя! Она всегда действовала на мою бедную Алицию как удав на кролика, а, смею тебя заверить, Алиция была достаточно сильной и рассудительной молодой женщиной!

– Все будет хорошо, дедушка! – Эвелина улыбнулась и положила свою ладонь на морщинистую, но крепкую руку старого князя.

– Я буду беспокоиться за тебя, детка. Может быть, я поеду с вами? Было бы неплохо снова побывать при польском и литовском дворах! Если эта змея появится в Кракове, я всегда смогу защитить тебя и Андрея!

– Защитить? – удивленно переспросила Эвелина. – Вы думаете, это понадобится? Что она сделала, эта женщина, что вы так опасаетесь ее?

– Она!

Старик мстительно сузил глаза, помолчал, а потом с горечью быстро заговорил:

– После смерти Зигмунта Корибута, сына Нариманта Новгородского, мужа Алиции, под предлогом безопасности моего внука она утащила мою дочь и Львенка в Италию, когда для этого уже не было никаких оснований, когда все уже успокоилось, и они оба были в безопасности в Литве! Она продержала их там почти четыре года, пока Алиция не взбунтовалась и не увезла сына. Она убедила Алицию, что будет лучше для Львенка, чтобы он считал ее приемной матерью! Затем она посеяла недоверие между Алицией и Львенком, и впоследствии поссорила их. Я всегда благословлял маленького, безвинно погибшего Зигмунта Корибута, ибо только память о нем вернула Львенка в Литву. Потом появилась ты, словно дар Божий, и я поверил, что он останется с нами, а не уйдет с ней. Но эта дрянь не хочет успокоиться! Она подговорила княгиню Радзивилл подлить ему какого-то зелья, после того, как та вытащила его из свалки при Грюнвальде. Это зелье было настолько сильным, что Львенок потерял память на шесть лет, вспомни, шесть лет! И она воспользовалась этим, чтобы убедить его, что он ни кто иной, как герцог Монлери, а не князь Острожский, и оставить его в Италии.

Старый князь сделал паузу, чтобы перевести дыхание, а затем уже более спокойно продолжал:

– Теперь на ее дороге стоишь ты. Она сделает все, чтобы перетянуть тебя на свою сторону и увезти вас из «дикой» Литвы в свою «прекрасную» Италию или Испанию, а если ты воспротивишься этому, она просто избавится от тебя. Так, как она избавилась от моей дочери Алиции!

– Вы уверены в том, что говорите, дедушка? – спросила Эвелина, потрясенная одновременно его словами и той душевной мукой, которая звучала в его отповеди.

– Абсолютно! – убежденно воскликнул старый князь. – Я уверен, что это именно Лусия уверила короля Сигизмунда Люксембурга Венгерского, что Алиция хранит бумаги о происхождении Львенка, и она намеревается отдать ему их, когда он подрастет. Сигизмунд подослал в Остроленку убийц, так как не желал видеть в соперниках на венгерский престол сына Лайоша Великого, и в конце концов, они настигли ее!

– Дедушка! – Эвелина набрала побольше воздуха в легкие, чтобы придать себе решимости и рассказать ему о последнем письме Алиции Острожской, адресованном ей лично. – Год тому назад я нашла в своем ларце с драгоценностями, перешедшем ко мне после свадьбы, письмо вашей дочери, которое она просила передать Острожскому.

Старый литовский магнат остро взглянул на взволнованную молодую женщину.

– Письмо? В шкатулке с драгоценностями? Ты читала его?

Эвелина чуть приметно улыбнулась.

– Конечно я прочитала его, а затем отдала уму, как и просила княгиня Острожская. В этом письме Алиция прямо говорила о том, что она спрятала бумаги, и он должен знать, где именно, поскольку они делали тайник вместе, летом, которое они провели вдвоем в Остроленке. Кажется, она имела в виду то лето, которое было последним в жизни князя Нариманта.

– Я так и знал!

Старый князь вскочил на ноги.

– Я так и знал, что эти бумаги в Остроленке! Они целы и невредимы, Алиция была умной девочкой! Она бы стала достойной королевой! Когда ты отдала ему письмо, дитя мое?

– Он получил его, когда был в Испании, – сказала Эвелина. – Андрей лично передал ему письмо в собственные руки. Лусия де Монсада тоже присутствовала при этом. Андрей говорит, что отец упомянул о содержании письма, но не показал письмо Лусии. Герцогиня была очень расстроена, и, как рассказал Андрей, они какое-то время о чем-то спорили, он не понял, о чем.

– Так вот почему эта лиса вернулась в Литву! – задумчиво проговорил литовский магнат, внимательно выслушав все, что сказала Эвелина.

Он помолчал, а потом поднял на Эвелину свои светло-серые, выцветшие от времени глаза и откровенно спросил, настороженно наблюдая за выражением ее лица в то время, пока он говорил:

– Скажи мне, дитя мое, ты любишь Львенка?

Эвелина выдержала его взгляд.

– Да, я люблю его.

– Нам надо найти эти бумаги, – услышав ее ответ, старый князь как будто немного расслабился. – Я почти уверен, что Алиция спрятала не только бумаги о происхождении Львенка, но и кое-что еще. Мы должны раз и навсегда освободить себя от этой ужасной женщины! До тех пор, пока она не успела натворить еще больших бед!

– Мы не можем найти эти бумаги без Острожского, – подумав, сказала Эвелина.

– Ты права, детка, – согласился с ней князь Федор. – Его любовь к тебе – наш единственный шанс. Поезжай с Андреем в Польшу, я уверен, что как только Львенок узнает о твоём пребывании при дворе, он найдет предлог приехать в Краков, прежде, чем отправиться в Вильну. Потом, когда переговоры закончатся, нам всем нужно собраться в Остроленке. Вы вдвоем должны найти эти чертовы бумаги! Они как проклятье, тяготеющее над нами! Как эта чертова испанская ведьма, прости Господи мою душу! Может быть, стоит обратиться за помощью к малышке Радзивилл?

Эвелина покачала головой.

– Я уже пробовала. Она сказала тогда очередной бред – что над головой князя сгустились темные тучи и только я одна способна справиться со злыми чарами. Правда, она забыла сказать, как именно я смогу это сделать!

Князь Федор взволнованно забегал по зале.

– Злые чары! Я знал, я чувствовал это! Она ведьма, она самая натуральная ведьма, эта Богом проклятая крестоносная подстилка! Бог мой, Эвелина, девочка моя, сделай все, что считаешь нужным, очаруй, заколдуй, обещай ему все, что угодно, но только вырви его из лап этой ведьмы! Он должен снова вернуться к нам! Христом Богом прошу, деточка, помоги ему!

– Не нужно так волноваться, дедушка! – Эвелина была до глубины души тронута, когда увидела полные слез глаза старика и его искаженное от душевной муки лицо. – Я сделаю все, что в моих силах.

Глава 3

Краков, Польша, октябрь 1417 г.

По настоянию Эльжбеты, Эвелина, Андрей и маленький Даниэль Острожский, прибыв в Краков поздней ночью в конце октября 1417 г., остановились на несколько дней в доме Радзивиллов. Эвелину так утомил долгий переезд, что она, несмотря на протесты сопровождавшей ее Аделины и Марженки, взяла с собой на ночь в постель малыша Даниэля, и они вдвоем благополучно проспали почти до полудня следующего дня.

Во второй половине дня, чувствуя себя виноватой за то, что пропустила завтрак, Эвелина поручила малыша заботам Аделины, быстро привела себя в порядок, и, облачившись с помощью Марженки в кремового цвета дневное платье, сшитое по последней польской моде, спустилась в гостиную. Справедливо рассудив, что Эльжбета вряд ли будет принимать у себя гостей в такое время суток, она не стала закалывать свои длинные светлые волосы, оставив их свободно виться по плечам и спине.

Эльжбета встретила ее откровенно насмешливым взглядом.

– Я вижу, воздух Польши и Литвы творит с тобой чудеса. Прежде ты никогда так сладко не спала!

– Это все Данька! – с улыбкой сказала Эвелина. – Он так сладко сопел, что я была не в силах устоять.

Эльжбета рассмеялась, подошла к ней, взяла ее за руку и провела вглубь гостиной. Только после этого Эвелина заметила, что они там не одни. Навстречу ей и с Эльжбетой из кресла возле окна поднялась высокая стройная женщина со светлыми волосами, собранными в традиционную польскую прическу. На вид ей казалось не больше тридцати-тридцати пяти, но когда Эвелина внимательней посмотрела ей в лицо, она поняла, что та была старше, и моложавый вид ей придавало задорное выражение светло-карих живых глаз и гладкая, как у девушки, кожа красивого, с четкими чертами лица.

– Эвелина, я хочу представить тебе давнюю приятельницу моей матери, пани Валевскую. Лицо Эльжбеты было серьезно и, пожалуй, как-то даже торжественно-вдохновенно.

Эвелина еще раз взглянула на поднимающуюся из кресла женщину, которая с улыбкой шагнула ей навстречу, в свою очередь, пристально глядя в ее лицо.

– Прекрасная Гражина! – мягко сказала пани Валевская, называя Эвелину именем, которое использовал, обращаясь к ней, князь Витовт после ее участия в сражении при Грюнвальде. – Я очень много слышала о вас в Литве. Кроме того, – она слегка улыбнулась, и на щеках ее заиграли ямочки. – Я помню вас с Эльжбетой девочками.

– Правда? – Эвелина вежливо улыбнулась в ответ. – А вот я вас совсем не помню, пани Валевская.

– Жаль.

По знаку Эльжбеты слуги принесли им по бокалу холодной воды и проворно сервировали для легкого ланча низкий столик, находившийся ближе к окну.

Когда пани Валевская брала с подноса бокал с водой, Эвелина непроизвольно отметила, какие у нее длинные аристократические пальцы. На безымянном пальце правой руки блеснуло в полуденном свете кольцо с голубым сапфиром.

– Я хорошо знала вашу мать и вашего отца, – сказала пани Валевская, делая глоток из своего бокала и не сводя глаз с Эвелины. – Вы очень похожи на свою мать, она была редкостная красавица.

В эту минуту в гостиную с воплями влетели взъерошенный Зига Радзивилл и Андрей Острожский. Увидев уже сидевших за столиком и мирно беседующих матерей, а также совер-

шенно незнакомую женщину, мальчишки мигом притихли, и на лицах обоих появилось одновременно смущенное и плутовское выражение.

– Мама, извини, мы не хотели! – проговорил Андрей по-итальянски, как он всегда предпочитал поступать в тех случаях, когда чувствовал необходимым извиниться, но не желал делать это открыто в присутствии остальных.

Эвелина уже открыла рот, чтобы, по обыкновению, призвать его к порядку и просить не говорить по-итальянски в Польше, чтобы не смущать друзей, как пани Валевская, все с той сердечной улыбкой на устах взглянув на мальчика, с невинным видом заметила, так же по-итальянски:

– Вы прощены, молодой человек. Приятно видеть такого воспитанного молодого сеньора.

Андрей удивился, но не смутился, и тут же, быстро взглянув на мать, с лукавой усмешкой поклонился женщине и сказал, обращаясь к ней, уже по-французски:

– Благодарю вас, мадам. Это заслуга моей матери, вовсе не моя.

– Вы еще и льстец, молодой человек? – так же по-французски, приподняв бровь, живо отозвалась пани Валевская, откровенно посмеиваясь при виде удивления, отразившегося у него на лице.

– Не имел чести быть представленным вам, сударыня, – перешел на немецкий Андрей, склоняясь перед пани Валевской в вежливом полупоклоне. – Молодой князь Андрей Острожский, к вашим услугам.

Пани Валевская отставила на столик свой бокал с водой, поднялась со своего места и с важностью матроны наклонила голову в снисходительном приветствии, подражая принятому при европейских дворах этикету:

– Это большая честь познакомиться с вами, ваша светлость, – сказала она по-немецки. – Пани Валевская, к вашим услугам.

Она милостиво протянула Андрею руку для поцелуя, Андрей тут же принял ее, вежливо склонился к ее руке и, разгибаясь, взглянул ей в лицо своими темно-синими смеющимися глазами:

– Если бы я не знал, что у меня нет бабушек, я бы принял вас за одну из них, милостивая госпожа! – снова по-итальянски сказал он. – Вы так же красивы, как моя мать, и так же любите розыгрыши, как я!

– Вы забыли упомянуть о своем отце, молодой человек? – подняла бровь пани Валевская.

– Мой отец – особый случай! – тут же отозвался Андрей по-русски. – Он вне конкуренции!

Пани Валевская рассмеялась.

– Вы очень похожи на своего отца в том же возрасте, Андрей, – сказала она, переходя на русский.

– Вы знали моего отца, когда он был мальчиком? – удивленно спросил Андрей. – Сколько же вам лет, сударыня?

– Андрей! – одновременно с укором воскликнули Эвелина и Эльжбета.

– Пустяки, – пани Валевская улыбнулась им и вновь повернулась к Андрею. – Я знала вашего отца и вашу мать, Андрей, когда они были детьми, я знала даже их семьи. Когда вы приедете с матерью в Вильну, молодой князь Андрей Острожский, я буду счастлива видеть вас и вашего друга, юного Радзивилла, в моем доме.

– Благодарю вас, пани Валевская! – весело поблагодарил ее Андрей, а потом, переглянувшись с Зигой Радзивиллом, спросил: – А у вас есть лошади?

Эвелина не смогла скрыть улыбки.

– Мой муж разводит в Литве лошадей, – сказала между тем пани Валевская. – Если вы умелый наездник, он представит вас татарским царевичам и вы сможете познакомиться со всеми их трюками из их собственных рук.

– Татары Витовта! – воскликнул Андрей, радостно сверкнув глазами. – Это было бы чудесно! Берегитесь, мадам, я запомню ваше обещание!

Пани Валевская ласково коснулась рукой его плеча.

– Я не собираюсь от него отказываться, молодой человек!

Она в последний раз кивнула Андрею и вновь присела на свое прежнее место за низким столиком с ланчем, расправила в кресле подол своего платья и взяла в руки бокал с водой.

– Вы были знакомы с родителями моего мужа? – осторожно спросила Эвелина, взглянув на нее.

Пани Валевская утвердительно наклонила голову.

– Да, Эвелина. Мы были хорошими друзьями с князем Наримантом Новгородским.

– И с Алицией Острожской?

Рука пани Валевской дрогнула, но она, тем не менее, все так же жизнерадостно улыбнулась.

– Конечно. Почему вы спрашиваете, Эвелина?

– Я долго жила в Остроленке, где, кажется, каждый цветок в ее великолепном розарии помнит эту удивительную женщину, – сказала Эвелина, внимательно наблюдая за пани Валевской, глаза которой при ее словах подернулись мечтательной дымкой. – Кроме того, мой муж был очень привязан к своей матери, хотя, кажется, не очень хорошо знал ее.

– Да, я тоже бывала в Остроленке, когда Алиция еще была жива, – с оттенком грусти сказала пани Валевская. – Как и ваша мать, Эвелина, а также княгиня Радзивилл.

– Моя мать бывала в Остроленке? – удивленно переспросила Эвелина. – Вы хотите сказать, пани Валевская, что моя мать и Алиция Острожская были знакомы?

– Ну конечно же! – сказала пани Валевская, переглянувшись с Эльжбетой Радзивилл. – Разве вы не помните, Эвелина, что несколько лет после смерти матери вы прожили в Остроленке, вместе с Эли и Каролом Радзивилл и мальчиками Алиции Острожской?

– Нет, не помню, – растерянно сказала Эвелина. – Впрочем, после пребывания в Мальборке...

Она не договорила. Пани Валевская предостерегающе подняла вверх раскрытую ладонь своей руки, словно умоляя Эвелину остановиться.

– Не стоит вспоминать замок, деточка, – мягко сказала она. – Все позади. У вас семья, дети, вы счастливы. Вы ведь счастливы, Эвелина?

– Ну да, в некотором роде, – пробормотала Эвелина, думая о своем.

– В некотором роде? – удивилась пани Валевская. – Что вы имеете в виду?

Эвелина вопросительно посмотрела на Эльжбету, словно спрашивая ее совета, стоит ли ей говорить или промолчать. Эльжбета неприметно кивнула, но пани Валевская уже успела заметить их быстрый обмен взглядами и, отставив бокал на стол, внимательно взглянула сначала на одну из них, а потом – на другую.

– Что-то не так, девочки? – озабоченно спросила она.

– Скажи ей, Эва, – негромко произнесла Эльжбета.

– В следующем месяце я еду в Вильну, чтобы присоединиться там к моему мужу, – наконец, тщательно подбирая слова, сказала Эвелина, все еще сомневаясь, стоит ли говорить об этом чрезвычайно деликатном семейном деле с почти незнакомой ей женщиной. – Меня очень беспокоит та женщина, которая приехала с князем Острожским из Испании, герцогиня де Монсада. Мой тесть рассказывал мне много неприятных вещей о ней и о ее дружбе с покойной матерью Острожского.

– Лусия де Монсада? – по губам пани Валевской скользнуло выражение брезгливого ужаса, которое было настолько быстрым и коротким, что Эвелина даже несколько раз смогнула, чтобы понять, было ли это на самом деле, или только примерещилось ей. – Лусия де Монсада, –

еще раз повторила пани Валевская. – Боюсь, что он прав, дитя мое. Я тоже не слышала ничего хорошего о Лусии де Монсада. Берегитесь ее! Она очень решительная и опасная женщина.

– Дело в том, что князь Федор открыто называет ее ведьмой, – усмехнувшись, сказала Эвелина. – И моя подруга, Эли Радзивилл, похоже, разделяет ее мнение.

– Она не ведьма.

Лицо пани Валевской стало серьезным. Она внезапно встала и взволнованно прошла по гостиной.

– Она просто очень несчастная и оттого очень озлобленная женщина, – остановившись возле дверей, ведущих на патио, наконец, сказала пани Валевская, оборачиваясь к Эльжбете и Эвелине. – Но ваш тесть прав, герцогиня де Монсада – не совсем подходящая для вас компания.

Эвелина взглянула на нее с просквозившем в ее взгляде невольным удивлением:

– Но что я могу сделать? Она живет в нашем доме в Вильне.

– Просто держитесь от нее подальше, Эвелина, умоляю вас! – пани Валевская приблизилась к Эвелине, порывисто взяла ее за руку и с тревогой заглянула ей в лицо. Было видно, что она очень взволнована. – Я молю бога о том, чтобы мой муж прибыл в Краков как можно скорее. Тогда мы сможем рассказать вам о том, что знаем сами. Если нет, то мы найдем вас в Вильне. Вы не останетесь с ней один на один! Это я вам обещаю!

– Что вы имеете в виду? – теперь уже Эвелина с тревогой смотрела в лицо пани Валевской. – Вы говорите загадками, я не понимаю вас. Вы словно хотите сказать мне что-то важное, но как будто опасаетесь меня. Говорите же, подумайте сами, какой вред вам я могу принести? Да я и не собираюсь ничего вам делать! Зачем, с какой стати?

– Я опасаясь не вас, – с непонятным выражением в голосе ответила пани Валевская после некоторого колебания.

– Тогда кого же? – воскликнула Эвелина. – Этой женщины?! Герцогини де Монсада?!

– Нет, Эвелина, – по губам пани Валевской скользнула грустная улыбка. – Я опасаясь гнева вашего мужа.

– Гнева Острожского?! – с недоверием переспросила Эвелина, вглядываясь в печальное лицо женщины. – Да бог с вами, пани Валевская, он никогда не причинит вреда моим друзьям!

– Да-да, – живо поддержала ее Эльжбета, усмехаясь. – В руках своей прекрасной жены князь Острожский совсем ручной! При условии, что его тетушка не подаст ему на ужин белладонны!

– Не обращайтесь внимания, – быстро сказала Эвелина. – Эльжбета шутит!

– Конечно же, шучу, – мрачно подтвердила литвинка. – Герцогиня де Монсада никогда не делает ничего сама. Она предпочитает вкладывать свои снадобья в руки простодушных и доверчивых дурачков из близких родственников.

– Эльжбета! – не выдержала Эвелина.

– Мне пора идти.

Пани Валевская вновь взяла за руку Эвелину и еще раз внимательно посмотрела ей в лицо, словно ища в нем нечто такое, что ответило бы на ее невысказанные вслух вопросы. Затем она неожиданно слегка улыбнулась, напряжение, появившееся в ее голосе с того времени, как было упомянуто имя Алиции Острожской и герцогини де Монсада, исчезло так же внезапно, как и появилось.

– Я была очень счастлива познакомиться с вами, дорогая Эвелина, – сердечно сказала она. – Надеюсь, наше знакомство окажется долгим и приятным для обеих наших семейств. Прошу вас о любезности еще раз встретиться со мной и моим мужем, когда он прибудет в Краков.

– Кто ваш муж, пани Валевская? – не удержалась от вопроса Эвелина, которой, несмотря на всю ее загадочность, она по-прежнему нравилась.

– Один из известных литовских князей, родственников Витовта, – уклончиво ответила полячка.

– Надеюсь, не Скирвойло? – уточнила Эвелина, улыбаясь. Мятежный литовский принц-Гедеминович был широко известен в королевских кругах славянских государств за свою горячность, неукротимую отвагу и склонность к мятежам.

– О нет! – пани Валевская рассмеялась, и ее темные, орехового цвета глаза также заискрились смехом.

Эвелине уже в который раз за время встречи с пани Валевской показалось, что ее черты напомнили ей кого-то другого, кого она хорошо знала, но она никак не могла вспомнить, кого именно. По непонятной причине она медлила, не желая отпустить от себя эту обаятельную женщину, годившуюся ей в матери.

– Вы будете завтра на коронации Эльжбеты Грановской? – спросила она пани Валевскую.

– Может быть, – уклончиво сказала полячка. – Я не люблю появляться на больших мероприятиях.

– Почему?

– Слишком много шума. Я уже совсем не такая молодая женщина, как вы и Эли Радзивилл.

– О! – снова подала голос Эльжбета, – ну что вы такое говорите, княгиня? Мы уже тоже почтенные матроны, обремененные парой-тройкой детей. Правда, Эвелине придется отправиться на коронацию, у бедняжки просто нет выбора. Дело в том, что, во-первых, наш дорогой король весьма неровно к ней дышит и никогда не простит Эвелине ее отсутствия на таком большом празднике при дворе в Кракове. Во-вторых, пани Грановская – ее близкая подруга, и она не захочет огорчать ее. В добавлении к этому, юный Андрей принят ко двору, но он такой проказа, что за ним нужен глаз да глаз. Оставь его одного, без присмотра, и он устроит всем такой фейерверк на королевскую свадьбу, что ее запомнят надолго. Кстати, я думаю, что почтенный пан Олесницкий рассчитывал именно на это, принимая Андрея ко двору. Словом, куда ни кинь, везде клин.

Все три женщины, не сговариваясь, произвольно рассмелись над справедливостью ее слов. Почти весь тот день Эвелина ходила под впечатлением встречи с этой необыкновенной, загадочной женщиной.

Глава 4

Краков, Польша, ноябрь 1417 г.

Острожский и Эвелина встретились на торжественном приеме после церемонии коронации пани Эльжбеты Грановской королевой Польши, устроенной королем Владиславом Ягайло с величайшей помпой в Вавельском соборе Кракова. На собственно церемонию, состоявшуюся в начале ноября 1417 года, князь Острожский не успел, появившись в парадной зале Вавеля только тогда, когда королевский прием был уже в самом разгаре.

Он вошел в Большую залу Вавеля, до отказа наполненную разряженными в лучшую одежду придворными, и остановившись на пороге, с грустной усмешкой подумал о том, сколько раз он уже находился в этой зале, наблюдая за калейдоскопом сменявшихся на польском троне королей Польши – сначала юной несчастной Ядвиги, затем высокомерной Анны Цельской, а теперь – живой и непосредственной Эльжбеты Грановской. Все могло быть и хуже, мельком подумал он про себя, стараясь не холодеть от одной только мысли о том, что сейчас в парадной зале Вавеля рукой об руку с королем Владиславом Ягайло могла бы стоять, в качестве новой королевы, его жена, Эвелина Острожская. В ту же минуту он увидел ее рядом с новой королевой. Чуть выше пани Грановской ростом, но стройнее и тоньше ее в кости, в жемчужно-сером платье, украшенном темными узкими лентами, отделанными сверкающей жемчужной пылью, с тщательно уложенными белокурыми волосами, неправдоподобно красивая, невозмутимая и улыбающаяся отрешенной придворной улыбкой, она вдруг напомнила ему прежнюю Эвелину Валленрод, какой она была десять лет назад, на приемах в замке Мальборк. Она даже не посмотрела в его сторону, хотя он мог слышать, как королю доложили о его появлении, и по рядам придворных рябью пробежал обычный шепоток зависти и восхищения, который за несколько лет до Грюнвальда начал сопровождать звук его имени.

На этот раз, изменив своим привычкам, Острожский появился на приеме не в белом с золотом цветах, которые обычно требовались от принцев крови, а в черном с серебром. Рукава его черного бархатного камзола были отделаны серебристой сеткой вышивки; волны белоснежных валансьенских кружев, украшавших его рубашку, выпущенные поверх ворота камзола, ниспадали ему на грудь; темные узкие, по испанской моде, штаны были заправлены в высокие темные сапоги со шпорами. Подчиняясь польской моде, он распустил по плечам свои золотисто-каштановые волосы, отросшие за прошедший год в Испании, и сейчас они пышными волнами обрамляли его красивое, с четкими, словно выбитыми на римских монетах, чертами, лицо. Темные искристые глаза его сверкнули насмешкой, когда он увидел, как пани Грановская что-то сказала Эвелине, и та обернулась и посмотрела на него.

– Он все такой же красавец-мужчина, – тихо прошептала Эвелине ее подруга, которая стала в этот день новой королевой Польши. – Просто поразительно, годы совсем не изменили его! Ты счастливица, Эвелина. Он смотрит только на тебя! Представь его мне.

– Я думаю, король должен сам сделать это, – пробормотала Эвелина, стараясь не смотреть на князя, чтобы скрыть свое волнение.

Перед ней, в Большой зале Вавеля, вновь стоял прежний князь Острожский, в котором по невероятным, необъяснимым причинам вдруг не осталось ничего от того итальянского герцога, каким он был еще в прошлом году. Это был снова он, насмешливый и невыносимый королевский посол в замке Мальборк, небрежно элегантный, высокомерно красивый и вызывающе дерзкий.

– Моя дорогая Эльжбета! – тем временем произнес король, беря жену за руку и подводя ее к князю Острожскому, приблизившемуся к королевской чете, чтобы засвидетельствовать свое почтение. – Позволь представить тебе моего любимого племянника, невыносимого князя Острожского, мужа твоей лучшей подруги и нашей прекрасной княгини Эвелины Острожской!

– Очень много слышала о вас, дорогой князь, – с улыбкой сказала пани Грановская, протягивая Острожскому руку для поцелуя.

– Надеюсь, хорошего, моя королева?

Блеснув своей неподражаемой белозубой улыбкой, Острожский склонился над рукой королевы, а когда он, разогнув спину, вновь взглянул ей в лицо своими темными искристыми глазами, опущенными длинными густыми ресницами, королева была поражена его неброской изысканной красотой принца крови и очарована исходящим от него обаянием. Он был не просто красив, он казался живым воплощением всех женских грез – в глазах его светилось неподдельное восхищение ей как женщиной, на губах играла чарующая улыбка, голос был мягок, движения отточено-изящны, внешность выше всяких похвал. Высокий, с широкими плечами и узким поясом, длинноногий, элегантный, хорошо одетый, он был олицетворением настоящего придворного, в котором, однако, чувствовалась сила и грация хищника, готового к отражению удара с любой стороны.

Во взгляде короля светилась признательность – князь Острожский вел себя безукоризненно, он был вежлив и внимателен к его новой жене, несмотря на то, что уже, наверное, слышал, как грубо и непочтительно вела себя с новой королевой своевольная польская шляхта. Дружба с Эвелиной Острожской и расположение самого князя Острожского могли неизмеримо укрепить положение пани Грановской в глазах многих поляков и литвинов.

– Прошу прощения, что опоздал на коронацию, ваше величество, – услышал король голос князя, оторвавшись от своих дум, – но переговоры в Мальборке снова потребовали моего присутствия. Я также должен извиниться перед дамами, – Острожский склонил голову, – но в течение ближайших нескольких часов я хотел бы просить вас об аудиенции по поручению великого князя.

Король встрепенулся.

– Я приму вас немедленно!

– Боже мой, Владислав, дайте ему хотя бы поздороваться с женой! – мягко сказала, улыбаясь Острожскому, пани Грановская.

– Благодарю вас, моя королева, – слегка поклонился ей он.

Пани Грановская тут же подхватила короля под руку и отвела его в сторону.

Острожский повернулся к Эвелине и холодно улыбнулся. Предложив ей руку, он вывел ее из толпы придворных, окружавшей короля и королеву, и мягко развернул ее к себе лицом, остановившись в более тихом месте, у колонны возле стены, не выпуская из своих рук руки Эвелины.

Некоторое время они молча изучающее смотрели друг на друга, пока Острожский, стараясь говорить как можно небрежнее, заметил:

– Вот уж никак не ожидал увидеть вас в Кракове, дорогая. Я, кажется, приглашал вас в Вильну?

– Вы приказали мне быть в Вильне, – любезно улыбаясь, поправила его Эвелина. – Через два месяца.

Несмотря на его кажущийся холодным тон, в темных глазах Острожского светилось откровенное желание, такое очевидное, что Эвелина почувствовала, как мурашки страха или предвкушения удовольствия, побежали по ее коже.

– Что вы имеете в виду, дорогая? – голос Острожского стал чарующе мягок.

– Я имею в виду, что назначенный срок еще не истек, так что я могу делать то, что пожелаю.

– Вы всегда делаете то, что пожелаете, Эвелина, – по губам князя на секунду скользнула невеселая усмешка, однако он остался серьезным, когда, чуть помедлив, коротко спросил: – Стало быть, вы приедете в Вильну?

– Несомненно, – с некоторой долей высокомерия уверила его Эвелина. – У меня нет выбора, не правда ли? Ведь в противном случае вы пригрозили разнести дом деда по бревнышку, чтобы вытащить меня оттуда?

– Я очень рад, что догадался сделать эту угрозу, – из глаз Острожского исчезла улыбка, выражение его лица вновь стало официальным. – Судя по всему, только после этого мне, кажется, удастся получить назад свою жену!

Слегка поклонившись Эвелине, соблюдая официальные церемонии польского дворцового этикета, он уже повернулся, собираясь отойти, как снова услышал ее мелодичный голос:

– А что вы делаете при польском дворе, Острожский? Вы же должны быть на переговорах в Мальборке?

– О, моя дорогая княгиня! – он медленно обернулся к ней, его глаза блеснули насмешкой. – Вы не только помните мое имя, вы также, оказывается, в курсе всех моих дел и передвижений?

– Конечно же, мой дорогой князь, – Эвелина умышленно назвала его так, подражая ему, заметив, как от звука этого обращения что-то дрогнуло и изменилось в выражении его лица. Продолжая неотрывно смотреть ему в глаза, пытаясь определить, почему он кажется таким напряженным, она мягко добавила, словно как бы между прочим провоцируя его на откровенность: – Ведь вы же еще пока мой муж, не правда ли?

– Пока еще? – Острожский вскинул бровь. – Именно из-за этого вы старательно избегаете встреч со мной?

– Я же обещала вам, что приеду в Вильну. Я не ожидала увидеть вас при польском дворе.

Не обращая внимания на присутствующих, Острожский приблизился к Эвелине почти вплотную, так что она была вынуждена поднять голову, чтобы по-прежнему смотреть ему в лицо.

– Что вы делаете, князь? – тихо спросила она.

– Дайте мне слово, дорогая, что если вы приедете в Вильну, вы сделаете это от чистого сердца, – так же тихо сказал он, глядя ей в глаза.

– Хорошо, – она почти шептала, так как он едва слышал ее слова. – Но имейте в виду, у меня есть определенные условия.

– Условия?

Он взял руку Эвелины и прижал ее пальцы к своим губам. Эвелина чувствовала согревающее тепло его дыхания от прикосновения его губ к ее коже, а когда он медленно провел полураскрытыми губами вдоль ее указательного пальца, она вздрогнула от вспыхнувшего в ней желания его близости и отняла у него свою руку.

– Все, что вы пожелаете, дорогая! – тихим, низким от возбуждения голосом, сказал он.

– Не зарекайтесь, князь, – снова прошептала она. – Может быть, то, что я попрошу, невозможно?

– Скажите мне, что это, Эвелина, и я немедленно соглашусь!

Острожский снова овладел рукой Эвелины и снова поднес ее пальцы к своим губам.

– Прекратите немедленно! – Эвелина попыталась вырвать у него руку. – Вы что, не видите, как это действует на меня. На нас уже смотрят!

– Стало быть, я все-таки небезразличен вам?

– Когда это вы были мне безразличны! – Эвелина сердито смотрела в его искрящиеся глаза. – Вы всегда умудрялись выводить меня из себя!

– Это не тот ответ, которого я ожидал, – с тонкой улыбкой сказал Острожский.

– Надеюсь, вы не ожидали признания в любви?

– Почему бы и нет? – с иронией, обращенной скорее к самому себе, к своим надеждам, чем к ее словам, уронил он.

– Потому, что вы – неверный муж! – тихо и любезно произнесла она прямо ему в лицо и тут же с почти болезненным удовлетворением увидела, как сжались его челюсти, а в глазах вспыхнул мрачный огонь.

– Мы поговорим об этом позже, в Вильне, – зпмереа на минуту в молчании, наконец, отстраненно сказал он, отступая от нее на шаг.

– Почему же не сейчас? – подражая его ироничной интонации, спросила Эвелина.

– Потому что это неподходящее место для подобного разговора, – сухо сказал Острожский.

Неожиданно для него, Эвелина сделала шаг ему навстречу, демонстративно протянула ему руку для поцелуя, а когда он склонился к ее руке, произнесла негромко, но отчетливо, глядя на его темноволосую голову:

– Я не требую от вас объяснений и оправданий, князь. Что сделано, то сделано. Я приеду к вам в Вильну и останусь с вами на одном простом условии.

– Условии? – Острожский выпрямился и внимательно посмотрел на Эвелину, щеки которой порозовели от внезапно прилившей к ним крови. – О чем вы говорите, Эвелина? Что вы от меня хотите?

– Вы узнаете об этом через два месяца в Вильне.

– Через два месяца?! Вы что же, хотите, чтобы я окончательно лишился сна?

– Вы жалуетесь? – не скрывая усмешки, удивилась Эвелина.

– Конечно! – с внезапным всплеском возмущения вскричал Острожский, однако, заметив, что на них обращают внимание, не выпуская из своих рук ее руки, быстро и серьезно заговорил, не отрывая от нее глаз. – Я не видел вас целый год! Я скучал по вам, Эвелина, каждый день этого чертова длинного года! Я тысячи раз воображал, что теряю вас, вы просите короля о разводе и он дарует его вам! Я не могу больше притворяться спокойным и выдержанным человеком. Я согласен на любые ваши условия, если вы останетесь со мной! Вы должны мне обещать это, Эвелина!

– Я ничего не могу обещать, – помолчав, сказала Эвелина, поднимая на него глаза. – Кроме того, что я приеду в Вильну. А теперь идите, Острожский, король ждет вас.

Через два часа, переговорив с королем, Острожский вернулся в Большую залу в тайной надежде вновь встретиться с женой. Король Владислав Ягайло вышел в приемную залу вместе с ним. Вертя головой в поисках пани Грановской, он рассеянно сказал, обращаясь к Острожскому:

– Я весьма благодарен твоей жене, анжуец! Она взяла под свое покровительство мою Эльжбету, и хотя у той достаточно сильный характер, без поддержки прекрасной Эвелины ей пришлось бы совсем туго. В обществе твоей жены затыкают свои грязные рты даже самые дерзкие из шляхты.

– Вы никогда не жалели о том, что стали польским королем, Ягайло? – внезапно спросил Острожский.

Король перестал говорить и внимательно посмотрел на него.

– Я жалею об этом каждую минуту, – наконец, тихо сказал он. – Каждый Божий день! Но Господь наградил меня такой долей, и я должен без нареканий нести предназначенную мне крест. Если бы только Эльжбета родила мне сына!

– Немного терпения, мой король, – дипломатично заметил Острожский. – Вы женились лишь несколько месяцев тому назад. Не требуйте от нее невозможного.

– Твоей жене хватило нескольких месяцев, чтобы подарить тебе сына! – немного непоследовательно, на взгляд Острожского, припомнил король.

– Что вы имеете в виду, ваше величество?

Король Владислав Ягайло открыл было рот, чтобы ответить, но в тот момент, наконец, увидел свою жену, королеву Эльжбету, в обществе Эвелины Острожской и представителя Тевтонского Ордена при польском дворе, барона Альберта фон Лихтенштейна, давнего знакомого Острожского и Эвелины по замку Мальборк. Вся троица весело смеялась над рассказом крестоносца, на лицах окружавших их представителей польской шляхты читались все оттенки чувств, начиная от зависти и пренебрежения, и кончая неприкрытым восхищением.

– Эвелина Острожская! – снова мечтательно сказал Ягайло, глядя на молодую женщину с гордой осанкой и взглядом королевы. – Эта непревзойденная Эвелина Острожская! Посмотрите, князь, крестоносец просто очарован ею, она вертит им, как пожелает. Благодаря ей, этот молодой человек уже оказал мне ряд мелких, но ценных услуг.

– Альберт – давний знакомый Эвелины по Мальборку, – сухо согласился Острожский.

– В прекрасной княгине, под стать тебе, заложены задатки великого дипломата, – вздохнул король, все также не сводя взгляда с молодой женщины. – Я был счастлив, когда она пожелала вернуться ко двору. Мне не хватало ее улыбки, ее божественной красоты и ее женской мудрости.

Острожский в некотором удивлении смотрел на короля.

– Вы ведь женились по любви, Ягайло? – спросил он, помедлив.

– Разумеется.

Король Владислав Ягайло сморгнул и словно пришел в себя.

«Лусия права, она ведьма!» – с веселой насмешкой успел подумать Острожский о своей жене, прежде чем король, подхватив его под локоть, начал прокладывать им путь по направлению к оживленно болтающей троице.

– А, князь! – без вдохновения приветствовал Острожского Альберт фон Лихтенштейн. – Не проходит и дня, чтобы великий магистр фон Платтен не упомянул вас в своих молитвах!

– Даже так? – скептически поднял бровь Острожский.

– Наверное, он просит Господа нашего снова усладить князя в Италию, – сказала Эвелина, улыбаясь и глядя на Острожского. – Не думаю, что вмешательство князя Острожского в переговоры сильно обрадовало магистра.

– Вы как всегда правы, дорогая Эвелина! – расцвел в улыбке крестоносец. – Магистр действительно просит Господа, чтобы он убрал куда-нибудь подальше слишком уж влиятельного и искушенного в переговорах князя Острожского.

– Какая честь для вас, князь! – попыталась поддержать разговор королева Эльжбета. – Впрочем, переговоры ведь близятся к концу, не правда ли, мой король?

Владислав II Ягайло пробормотал что-то нечленораздельное, в то время, как Острожский сделал вид, что ничего не слышал. Альберт фон Лихтенштейн тонко усмехнулся и со значением посмотрел на Эвелину.

– Говорят, в Польше любят танцевать? – перевел разговор на нейтральную тему он.

– Танцевать? – рассеянно переспросил король. – Да, разумеется. С тех пор как нашими придворными занялась моя сестра Александра, мы, кажется, стали танцевать столько же, сколько при мазовецком дворе!

В этот момент в зале действительно раздались звуки полонеза. Король тут же предложил руку Эвелине Острожской, она улыбнулась ему и вложила в его руку свою тонкую ладонь. Они стали первой парой, открывающей полонез, встреченные бешеным шквалом аплодисментов шляхты.

– Вы танцуете, моя королева? – Острожский взглянул на опечаленное лицо пани Грановской.

– Я, право, несколько неуклюжа, – застенчиво пролепетала молодая женщина, тем не менее, чрезвычайно польщенная его вниманием.

– Не стоит беспокоиться, ваше величество, – Острожский ободряюще улыбнулся ей и почтительно протянул ей руку. – Я хороший танцор, и даже если вы ошибетесь, никто этого не заметит.

Вопреки ожиданиям, новая королева оказалась весьма искусенной в фигурах танца. Когда она расслабилась и перестала бояться сделать оплошность, танец доставил ей настоящее удовольствие, тем более, что во время переходов она ловила на себе удивленные и одобрительные взгляды короля. Острожский оставался невозмутим. Пластичный, ловкий, обладающий изяществом и грацией почти профессионального танцора, какими были многие придворные того времени, он твердо и уверенно вел королеву в танце, не давая ей возможности сбиться с ритма, оступиться или сделать ошибку при переходах. Пани Грановская понимала это и не могла не восхищаться его великодушием и обаянием. Все время, пока они танцевали, он развлекал ее историями из жизни крестоносцев, она смеялась, покоренная сердечностью его улыбки и веселым блеском его темных искристых глаз.

– Боже мой, я совсем забыла поздравить вас, князь, – сказала она с застенчивой улыбкой, когда танец кончился и Острожский предложил ей руку, чтобы отвести ее на другую сторону залы, где находился король.

– Поздравить меня? – удивился Острожский. – С чем?

– Ну конечно же, с рождением сына! – мягко сказала королева Эльжбета.

– С рождением сына? – переспросил князь. – Вы имеете в виду день рождения Андрея? Я полагал, что он родился несколько позже, в январе?

– Да нет же, я имею в виду с рождением вашего второго сына, Даниэля, – пояснила королева Эльжбета, улыбаясь ему.

– Моего второго сына? – Острожский на секунду потерял дар речи, но заметив, что королева Эльжбета с внезапно вспыхнувшим подозрением смотрит на него, тут же как можно небрежнее сказал: – Ах да, простите, ваше величество, я не понял. Благодарю вас.

– Он, к тому же, королевский крестник, – облегченно улыбаясь, сказала королева.

Когда он подвел пани Грановскую к королю, и супруги прилюдно расцеловались, Острожский быстро огляделся по сторонам, стараясь найти глазами Эвелину. В груди его кипела ярость. Рождение второго сына! Никто: ни одна, ни дед, ни прислуга, – никто даже словом не обмолвился ему об этом! Обнаружив, наконец, Эвелину в обществе пана Завиши Чарного и пана Повалы из Тачева и их жен, он приблизился к ним, некоторое время вежливо поддерживал разговор, а затем, извинившись, отвел Эвелину в сторону.

– Что случилось, князь? – Эвелина обеспокоенно смотрела на него. – На вас лица нет. Вы устали с дороги? Король сказал мне, что вы отправились на этот прием прямо после того, как провели в седле несколько недель, добираясь из Вильны в Краков.

– Это проявление заботы, моя дорогая? – спросил Острожский. – Немного запоздалой, надо полагать. Как и новость о том, что у вас родился второй сын?!

Эвелина подняла голову и бесстрашно встретила его гневный взгляд.

– Не понимаю, почему вы так кипятитесь, князь, – невозмутимо произнесла она. – Это во-первых. А во-вторых, почему у меня? У нас родился второй сын. Или вы сомневаетесь в своем отцовстве?

– Стало быть, вы считаете нормальным, что о рождении своего сына я узнаю не от вас, а от королевы? – тихим от ярости голосом спросил он.

Взгляд Эвелины не дрогнул, когда она так же тихо, чтобы не привлекать к себе внимание окружающих, ответила ему:

– Я не считаю это более ненормальным, чем то, что о вашем происхождении я узнаю не от вас, а от короля и великого князя!

Острожский некоторое время недоверчиво рассматривал ее, словно пытаясь определить, что именно скрывается под ее словами, а потом негромко и невесело рассмеялся:

– Надеюсь, на этом ваша месть за всю эту историю закончится, моя дорогая жена? Или мне придется с войсками и пушками пробиваться к Вязьме, чтобы хотя бы взглянуть на моего сына?

От него не укрылся облегченный вздох, который испустила Эвелина, на секунду расслабившись под маской своего холодного безразличия.

– Вам не надо ехать в Вязьму, князь, – с непонятной ему кротостью сказала она. – Даниэль здесь, со мной, в Кракове. В настоящее время, надеюсь, спит в своей колыбели в доме на Подоле. Если вы хотите увидеть его, мы можем отправиться туда немедленно. У вас ведь найдется для этого минутка времени до того, как вы вернетесь к Витовту, не правда ли?

Острожский непроизвольно, словно защищаясь от удара, поднес руку к глазам, в который уже раз за этот примечательный вечер пораженный калейдоскопической пестротой новостей, обрушивающихся на его голову. Эвелина немного помедлила и после некоторого колебания добавила:

– Я не знала, намерены ли вы вернуться в Литву или нет, князь. Я хотела дать вам свободу выбора. Я также не хотела, чтобы вы возвратились только для того, чтобы забрать у меня и этого сына.

– Чего еще вы хотели, скрывая от меня рождение моего сына, позвольте мне узнать? – Острожский отнял руку от глаз и взглянул на Эвелину.

– Я хотела сохранить хотя бы частицу вас, мальчика, который бы меня любил и был бы со мной, – тихо сказала Эвелина, не глядя на него.

– Разве я не любил вас?! – Острожский говорил тихо и быстро, и, к своему глубокому удивлению, Эвелина могла различить в его голосе подлинную обиду и боль: – Да, я обидел вас, обидел ненамеренно и случайно, но вы даже не захотели выслушать меня! Вы бросили меня! И оставили мне Андрея. Этот год без вас стал для меня пыткой! Я вернулся в Литву, привез с собой Андрея, я загнал коней, добираясь к вам в Вязьму. И что же? Вы снова закрыли передо мной все двери и даже не пожелали меня увидеть! Что я должен думать обо всем этом, Эвелина?! Что вы хотите, чтобы я сделал?! Скажите мне, я уже не знаю, что происходит!

Эвелина порывисто отвернулась от него, скрывая наворачнувшиеся на глаза слезы. Он помедлил, потом подошел к ней и обнял ее сзади за плечи, привлек к себе, с наслаждением вдыхая такой знакомый ему запах ее волос.

– Я хочу, чтобы вы пошли со мной и увидели Даниэля, – наконец, сумела произнести она, справившись со своим голосом.

– Сейчас? – тихо удивился он, не в силах выпустить ее из своих объятий.

– Сейчас. Князь, я хочу вернуться в Остроленку.

– Вернуться в Остроленку? – Острожский развернул ее лицом к себе и некоторое время внимательно вглядывался в чистые, холодные, безмятежные глаза Эвелины. – Вы же обещали присоединиться ко мне в Вильне?

– Я думала, – Эвелина помедлила, но не отвела от него взора, – я думала, что вы останетесь в Вильне только на время переговоров, а потом мы можем вернуться и жить в Остроленке.

– Вы хотите жить в Остроленке?

Острожский увидел, как в ее глазах вновь возникла настороженность.

– Почему бы и нет? – только и спросила она.

– Я думал, вы предпочитаете Вязьму? – поддразнил ее он.

– Князь, – в ее голосе внезапно проскользнуло непонятное для него сомнение. Затем она посмотрела на него и, по своему обыкновению, прямо, без обиняков, спросила: – Вы останетесь со мной в Польше и Литве? Или вы все-таки планируете жить в Италии или в Испании?

– Эвелина, я вернулся в Литву, – мягко сказал он.

– Что вы имеете в виду?

Он едва приметно улыбнулся.

– Хорошо, моя дорогая. Я скажу это по-другому. Все будет так, как решите вы. Хотите жить в Италии или Испании, просто попросите меня об этом.

– Я хочу жить в Остроленке! – подняв голову, сказала Эвелина.

– Значит, мы будем жить в Остроленке, – ответил он.

Эвелина быстро взглянула ему в лицо, и он увидел, как ее напряжение внезапно спало.

– Спасибо, – только и сумела произнести она.

Острожский почувствовал, что, скажи она еще одно слово, и он уже не сможет сдерживать себя, он подхватит ее на руки, отнесет в одну из пустующих комнат этого огромного холодного дворца и не выпустит ее оттуда до тех пор, пока не удовлетворит свою страсть. Эвелина словно поняла его состояние.

– Я полагаю, вам нужно вернуться в Вильну как можно скорее? – прошептала она, видя, что на них уже начинают обращать внимание.

– Да, – подтвердил он.

– Тогда мы можем исчезнуть с приема в любую минуту.

Эвелина заметила просквозившие в его взгляде на нее мгновенные вспышки сначала удивления, а потом желания, и с тихим смешком добавила: – Только не делайте такое выражение лица, князь! Я вовсе не предлагаю вам греховные забавы. Идите первым. Я присоединюсь к вам через минуту.

Скрывая улыбку, вызванную ее словами, Острожский выпустил из своих рук ее пальцы, повернулся и, не оглядываясь, быстро, но без излишней поспешности, чтобы не привлечь к себе ненужного внимания, стал продвигаться к дверям.

Выбравшись из дворца, он огляделся в поисках своих людей. Гунар и еще несколько легковооруженных рыцарей из его личной охраны тотчас же выступили из тени. Старый литвин вел в поводу его лошадь. Острожский вскочил в седло и не успел даже перемолвиться парой слов с Гунаром, как в парадных дверях дворца мелькнуло жемчужно-серебристое платье Эвелины. Не теряя ни секунды, Острожский тронул коня, настиг ее где-то на середине ступеней и, протянув ей руку, подхватил и посадил перед собой в седло. Гунар открыл было рот, чтобы что-то сказать или удивиться, но не успел этого сделать. Убедившись, что Эвелина не собирается протестовать против его самоуправства, Острожский прищипорил коня и поскакал по направлению в центр города. Вышколенные воины его личной охраны без вопросов устремились за ним. Возле дома воеводы Ставского Острожский остановил коня, спрыгнул с него, принял в руки скользнувшую с седла вниз Эвелину, поставил ее на землю и, обернувшись к своим людям, сказал:

– Ждите меня здесь. Мы возвращаемся в Вильну через четверть часа. Гунар, если хочешь посмотреть на еще одного князя Острожского, можешь последовать за мной.

Войдя в дом, Эвелина быстро, не оглядываясь, уверенная, что Острожский следует за ней, прошла через анфиладу комнат первого этажа к лестнице, и подобрав подол своего длинного платья, стала поспешно подниматься вверх. Очутившись на втором этаже, она обернулась, и кивнув ему и едва поспевающему за ними Гунару, прижала палец к губам, призывая их к молчанию. Затем толкнула дверь второй от пролета лестницы комнаты и вошла внутрь, оставив дверь открытой. Острожский и Гунар в молчании последовали за ней.

В маленькой уютной детской, светлой и хорошо протопленной, в колыбели, выдвинутой на середину комнаты, лежал, гукая и пуская слюни, толстенький малыш с каштановым пушком-волосами на круглой головке. На его белом личике играл здоровый румянец, маленькие ручки сжимали игрушку. Уронив голову на руки, положенные на перекладину кровати, рядом с колыбелью посапывала, забывшись в тревожном сне, Марженка. Услышав шаги вошедших в детскую людей, она встрепенулась и села на ковре, в изумлении уставившись на Острожского и Гунара, а затем торопливо протерла кулаками глаза, чтобы убедиться, что видит их не во сне.

Словно не замечая ее изумления, Острожский молча шагнул к колыбели. Увидев его тень, а затем и лицо склонившегося к нему человека, малыш поднял на него свои круглые темные глаза и бесстрашно уставился прямо ему в лицо. Некоторое время они оба рассматривали друг друга в полном молчании, а потом малыш протянул Острожскому игрушку и громко сказал:

– Га!

Острожский подхватил игрушку из ослабевших пальцев сына и положил ее на кровать. Малыш смотрел на него широко раскрытыми блестящими глазами, словно чего-то ожидая. Затем он снова протянул в его направлении свою маленькую ручку. Поколебавшись, не зная толком, что делать, Острожский коснулся указательным пальцем его сжатого кулачка. В тот же миг кулачок разжался и маленькие пальчики, словно крылья бабочки, коснулись его пальца, покрепче ухватили его и потащили ко рту. В следующую минуту, засунув палец отца в рот, малыш потер его между беззубыми деснами, выпустил слюну, счастливо улыбнулся и снова повторил:

– Га! Ба-ба-га!

– Ваша светлость, он улыбнулся! – вскричала Марженка. – Ей богу, он улыбается, пани Эвелина!

– Он действительно улыбается, – пробормотал Гунар, стоя рядом с Эвелиной, которая отступила на шаг от колыбели, чтобы не мешать Острожскому. – Этот-то выглядит совсем, как папочка. Точь-в-точь, масть в масть.

Малыш покрутил головой, словно прислушиваясь к голосам, потом опять обратил все свое внимание на Острожского. Выпустив изо рта его палец, он снова некоторое время смотрел ему в лицо темными круглыми глазами, а затем протянул к нему уже обе ручки.

– Ваша светлость, возьмите его на руки, – тихонько подсказала ему Марженка.

– Он такой маленький, – в сомнении пробормотал князь.

– Не бойтесь, князь, вы его не сломаете, – в голосе Эвелины он явственно различил едва сдерживаемый смех.

Острожский наклонился и осторожно взял на руки малыша.

– Бу! – одобрительно сказал тот, прикрывая глаза от удовольствия.

– Эвелина! – на пороге детской возник силуэт старого князя Федора Острожского. – Что происходит? Почему ты так долго? Даня никак не хотел засыпать без тебя!

– Дедушка? – улыбаясь, проговорил Острожский, оборачиваясь к нему с сыном на руках. – Вы покинули Вязьму? Опять? Надеюсь, в этот раз вы не думаете увести у меня жену и сына? Лучше оставьте эту затею раз и навсегда! Они мои! Все трое. Впрочем, вы всегда будете желанным гостем у нас в Остроленке.

– Ну, слава Богу! – прошептал старый литовский магнат, скрепя за спиной пальцы, чтобы не взглянуть удачу.

Полчаса спустя, провожая Острожского, которому необходимо было вернуться в Вильну, Эвелина вышла на ступени перед домом.

– Князь, – неожиданно сказала она, когда Острожский уже был в седле. – Вы хорошо знаете польскую и литовскую аристократию. Вы слышали что-нибудь о пани Валевской?

Острожский внезапно выпрямился в седле, словно от удара, и нахмурился.

– Где вы слышали это имя? – быстро спросил он.

Эвелина молчала.

– Эвелина! – требовательно повторил он.

– Я не хочу об этом говорить, Луи. – прошептала Эвелина. – Просто ответьте на вопрос, и все.

– Будьте осторожны, дорогая, – помолчав, сказал он, отводя взгляд от нее и собирая в руку поводья. – Вокруг меня всегда было много тайн и тайных недоброжелателей. Я не хочу, чтобы какая-нибудь глупая сплетня или злой умысел снова разлучили нас.

Запрокинув голову, Эвелина внимательно смотрела на него.

– Доверьтесь мне, Острожский. Мне надо знать.

Тогда он наклонился к ней с седла, чтобы лучше видеть выражение ее лица и негромко ответил:

– Под именем пани Валевской впервые появилась при венгерском дворе тридцать пять лет назад моя покойная мать, Алиция Острожская.

Глава 5

Краков, Польша, ноябрь 1417 г.

Наутро следующего дня Эвелина влетела в дом Радзивиллов в начале восьмого утра, уверенная в том, что Эльжбета, которая обычно вставала очень рано, уже на ногах, поскольку она хотела поговорить именно с ней.

Беспрепятственно пройдя через приемную залу, где не было никого и еще даже не были раскрыты шторы, она быстро шла по коридору городского особняка, который занимали Радзивиллы в Кракове, в направлении спальни Эльжбеты. Эвелина точно знала, что Карла Радзивилла в Кракове на настоящий момент не было, он уехал на переговоры в Мальборк вместе с Острожским, так что шанс потревожить супругов был ничтожно мал. Их долгие дружеские отношения с Эльжбетой позволяли же обоим молодым женщинам появляться в домах друга друга без предупреждения в любое время суток.

Эвелина уже подходила к спальне, как внезапно услышала из малой гостиной, примыкавшей к спальне Эльжбеты, доносившиеся оттуда голоса, в том числе, голос Эльжбеты. Эвелина остановилась, помедлила, потом подошла ближе к двери и, прежде чем толкнуть ее и войти в приемную, на минуту прислушалась к тому, что говорилось.

– Я согласна с Эльжбетой, – услышала она голос пани Валевской. – Мы должны предупредить девочку. Если она собирается в Вильну, и будет жить в одном доме с Лусией, ей угрожает серьезная опасность. Я видела их вчера на королевском приеме. Львенок не сводил с нее глаз, он несомненно, все еще влюблен в свою жену, а это значит, что Эвелина в опасности. Вспомните, что случилось в Остроленке в прошлый раз!

– Но, дорогая, – послышался незнакомый Эвелине мужской голос, в котором слышался ярко выраженный литовский акцент. – Герцогине тогда было гораздо легче справиться со своей жертвой. Все эти тайны, окутывающие отношения Алиции с Лайошем Венгерским и Польским, и рождение маленького Льва делали многих могущественных людей нервными и подозрительными, и она просто воспользовалась этим. Кроме того, она опасалась, что мать имела большое влияние на сына. Правда, до сих пор не могу понять, какого дьявола ей пришла в голову идея, что она сможет управлять мальчиком, подобно сыну Лайоша Великого.

Эвелина услышала тихий смешок пани Валевской.

– Ты прав, Рем. Им практически невозможно управлять, это не всегда удастся даже его родному деду. Но появление Эвелины смешало все карты. Я уверена, что она очень много значит для него. Более того, эта девочка слишком красива, и она непременно привлечет внимание Лусии. Мне нравится Эвелина. Она – дочь моей лучшей подруги, у нее трезвая голова и твердый характер. Однако девочке и так уже пришлось немало пережить, я не хочу, чтобы она пострадала еще и от рук Лусии.

– Как ты можешь ей помочь? – рассудительно спросил мужчина. – Ты сама до сих пор в опасности.

– Если я расскажу ей, что тогда случилось в Остроленке, и почему, – задумчиво произнесла пани Валевская, – она будет иметь представление о том, что ее ожидает. Она будет предупреждена. Кроме того, мы уже послали ей Хаски.

Эвелина вздрогнула. Хаски! Ее ставший уже довольно большим сторожевой пес редкой породы, сильно похожий на волка, необычной серо-серебристой масти, сильный, умный и преданный. Подарок могущественного наместника Литвы, князя Ремгольда, который она получила год назад, перед самым рождением Даниэля в Вязьме. Кто бы ни были эти люди, именно они послали ей Хаски! Она должна выяснить, что происходит!

Она решительно толкнула дверь и вошла в малую приемную. Первое, что она увидела, был сидевший в кресле лицом к двери крепкий шестидесятилетний мужчина с темными длин-

ными волосами, собранными в хвост на затылке. Он повернул по направлению к Эвелине голову, и она увидела знакомое всей Литве жесткое, смуглое обветренное лицо с темными пронзительными глазами – лицо бывшего наместника литовского владыки в Жемайтии, князя Ремгольда. Рядом с ним, в кресле слева, сидела пани Валевская, одетая в открытое темно-синее платье с кружевами, с алмазной диадемой в волосах и ниткой крупных алмазов на шее, словно не успевшая переодеться после торжественного приема в Вавеле. Эльжбета Радзивилл стояла у камина с младшим ребенком на руках. Полутороговая Барбара, положив головку на плечо матери, мирно дремала, убаюканная приглушенными голосами присутствующих в зале людей.

При появлении Эвелины пани Валевская вскочила на ноги, в то время как Эльжбета и князь Ремгольд остались на своих местах. Темные пронзительные глаза князя Ремгольда обратились к Эвелине, и ей на минуту стало не по себе, столько силы и властности было в его взгляде.

– А вот и красавица Гражина пожаловала, – медленно произнес он, и тут же живо добавил: – Подслушивали, барышня?

– Конечно, да, ваша светлость, – сказала Эвелина, приходя в себя и отвечая ему таким же внимательным испытывающим взглядом. – Что же мне еще остается делать, чтобы узнать о том, что происходит за моей спиной?

– Вы узнали что-то новое, Гражина? – насмешливо спросил князь Ремгольд.

Эвелина посмотрела на пани Валевскую, которая все еще оставалась стоять возле кресла князя.

– Что происходит, сударыня? – спросила она, глядя в лицо женщины, черты которой еще во время их первой встречи смутно напомнили ей кого-то, кого она знала. – Кто вы такая?

В лице пани Валевской что-то дрогнуло.

– Я уже представилась вам в прошлый раз, Эвелина, – после небольшой заминки, негромко сказала она, посмотрев прямо в глаза молодой женщины.

– Вы представились мне под именем пани Валевской, не правда ли?

Эвелине показалось, что пани Валевская на миг словно заколебалась с ответом. Тем не менее, в следующую минуту она уверенно подтвердила:

– Совершенно верно.

– Как мне стало известно, – не сводя с нее пристального взгляда, продолжала Эвелина, – именно под именем пани Валевской много лет назад появилась при дворе Лайоша Великого мать моего мужа, княгиня Алиция Острожская!

– Алиция была моей лучшей подругой, – вздохнув, отступила пани Валевская.

Эвелина мучительно старалась ухватить мгновенное воспоминание, маленькую деталь, которая все время ускользала от нее и которая, как ей казалось, давала ей разгадку к тайне, окружавшей эту женщину.

В наступившем молчании князь Ремгольд неторопливо поднялся из кресла, подошел к пани Валевской и положил ей руку на талию. Затем повернулся к Эвелине и буднично сказал:

– Успокойтесь, дитя мое. Давайте оставим все игры в разоблачения. Перед вами моя жена, княгиня Ремгольд.

– Таинственная княгиня Ремгольд, пани из Кревского замка! – в удивлении воскликнула Эвелина, не сводя глаз с пани Валевской.

Эльжбета укоризненно покачала головой.

– Полно, Рем, – пани Валевская повернула к мужу свое лицо, во взгляде ее светились любовь и грустная, нежная насмешка. – Мы, кажется, решили, что девочке нужно узнать обо всем. Ради встречи с ней и с детьми я впервые за двадцать лет пожертвовала своей безопасностью и конспирацией. Да, Эвелина, вы правы, – светло-карие глаза женщины обратились к Эвелине. – Много лет назад Алиция Острожская появилась при венгерском дворе под именем пани Валевской, моим именем. С тех пор я очень редко пользуюсь этим именем. И еще реже

появляюсь на людях. Поверьте, у меня есть на это все основания. За все эти годы я сделала лишь одно исключение. Для вас.

Эвелина смотрела в моложавое, свежее, как у двадцатилетней девушки лицо пани Валевской, все еще красивое утонченной красотой хорошего происхождения, живое, открытое, подвижное, и не находила слов для ответа. Более того, она вдруг поняла, что, несмотря на мистификацию их первой встречи, ей безумно нравится эта женщина, нравится, как никто другой, и, самое главное, она почему-то верит, что у загадочной княгини были все основания поступить так, как она поступила.

– Но почему, княгиня? – наконец, спросила она, переводя взгляд с пани Валевской на князя Ремгольда. – Что произошло?

Князь Ремгольд мягко подтолкнул жену к креслу, проследил, чтобы она уселась поудобнее, а затем, подойдя к Эвелине, взял ее за руку, как ребенка, провел к дивану у стены, усадил на него, а сам вернулся и уселся в кресло рядом с креслом жены.

– Может быть, княгиня Радзивилл распорядится, чтобы нам принесли чего-нибудь выпить? – спросил он, глядя на Эльжбету.

– Чего изволите, ваша светлость? – тут же спросила Эльжбета. – Водки, медовухи, квасу?

Пани Валевская рассмеялась деловому тону, с каким Эльжбета, стремясь разрядить обстановку, обратилась к ее мужу, подражая его вечно хмурому литовскому оруженосцу.

– Князь не пьет ничего, кроме разбавленного красного вина, у него больная печень, – отвечала она. – А мы с вами и Эвелиной выпьем чаю. И отнеси малютку в кровать, Эли, она совсем утомилась.

– Можешь идти, не опасаясь за свою подружку, – уловив выразительный взгляд, каким обменялись Эльжбета и Эвелина, хмыкнул, успокаивая литвинку, князь Ремгольд. – Мы вовсе не собираемся обижать прекрасную Гражину. Мы здесь, чтобы помочь ей.

Эльжбета слабо улыбнулась пани Валевской, кивнула Эвелине и вышла из гостиной, унося малютку Барбару Радзивилл.

Пани Валевская повернулась к Эвелине.

– Ваш муж не рассказывал вам, что случилось с его матерью? – негромко спросила она.

– Нет. Он не любил говорить об этом, – подумав, сказала Эвелина, глядя на пани Валевскую. – Я знала лишь, что его мать умерла. Впрочем, до Грюнвальда наши отношения никак нельзя было назвать теплыми. Я не стремилась узнать что-либо о нем в то время.

– Да, мне это известно, – вздохнула в ответ пани Валевская. – Ты стремилась скорее отделаться от него, чем что-либо о нем узнать. Впрочем, я не могу тебя винить. Подумать только, кто бы мог подумать, что малышке Эве Ставской была уготована судьба стать Звездой Ордена, Эвелиной Валленрод! Ты знаешь, деточка, что мы с Ремгольдом предприняли несколько безуспешных попыток высвободить тебя из рук Валленрода? Пока князю не пришла в голову замечательная идея, использовав княгиню Александру, послать в замок князя Острожского.

– Но каким образом? – пробормотала изумленная Эвелина, широко раскрывая глаза.

– Мы опоздали в Гневно и прибыли туда на следующий день, после того как вы уехали. У меня не было ничего, кроме подозрений. И заявив я о том, что проклятый немец похитил тебя, мне бы никто не поверил! Ведь уже тогда всплыла эта самая записка-признание, якобы, написанная твоей рукой, и Ставский не хотел привлекать внимание короля к этому происшествию. К несчастью, в то время уже было объявлено, что я мертва, и я не могла действовать в открытую. Никто не мог мне помочь, кроме моего дорогого Ремгольда, – она с признательной улыбкой посмотрела на мужа. – Он организовал нападение на эскорт Валленрода, по стечению обстоятельств, именно в тот единственный раз, когда он покинул замок без тебя, потому, что леди Рейвон просила магистра оставить тебя в замке. Да мало ли что, – пани Валевская махнула рукой. – Значит, не судьба. Острожскому пришлось делать всю работу самому.

– Это справедливо, – откликнулся князь Ремгольд. – Его невеста – его забота. Впрочем, ты отвлеклась, дорогая. Расскажи ей, отчего умерла Алиция Острожская, и почему нам пришлось пойти на это.

С его последними словами дверь отворилась и в сопровождении нескольких слуг с подносами в малую гостиную вошла Эльжбета Радзивилл. Подчиняясь ее знаку, проворная прислуга расставила на столе маленькие чашки для чая, кувшин с вином и с холодной колодезной водой для князя Ремгольда. Сервируя чай, слуга неслышно удалился. Эльжбета Радзивилл самолично разбавила вино в кубке для наместника Литвы, и поставила кубок на низкий столик посреди комнаты, пододвинув его так, чтобы князь Ремгольд мог легко дотянуться до него. Затем она разлила чай по чашкам, отнесла одну из них пани Валевской, другую – Эвелине, а третью взяла себе.

– Вы позволите мне остаться, крестная? – спросила она у пани Валевской.

Та посмотрела на мужа и утвердительно кивнула. Эльжбета пододвинула свободное кресло поближе к столику и, удобно устроившись, стала ждать как будут разворачиваться события. Тем временем, Эвелина успела собраться с мыслями и решила начать говорить первой.

– Князь Федор рассказывал мне, – медленно произнесла она, – что Лусия де Монсада натравила на Алицию короля Сигизмунда Венгерского, который был уверен в том, что у княгини есть документы, подтверждающие легитимность рождения ее сына, и стало быть, его право на венгерский престол.

– Он прав, – к удивлению Эвелины мирно отозвался князь Ремгольд, опередив жену. – Но Сигизмунд Люксембург никогда не был идиотом. Сначала он послал к Алиции людей, чтобы убедиться в том, что то, что сказала испанка, является правдой. Естественно, он не послал к ней венгров, это было бы слишком глупо и заметно. Он послал к ней меня.

– Алиция отдала Ремгольду бумаги, – пани Валевская с улыбкой посмотрела на мужа. Во взгляде ее светилась неподдельная нежность. – Да, юный Лев Острожский мог претендовать на венгерский престол. Лайош Анжуйский, король Венгрии и Польши, еще при жизни признал его своим сыном и они с Алицией действительно тайно венчались. Но ребенок был слишком мал, а она слишком слаба, чтобы защитить его. И потом, вспомните о судьбе двух несчастных девочек, Елизаветы и Ядвиги, дочерей Людовика! Их обоих уже нет в живых. А того, что им пришлось перенести, и врагу не пожелаешь! Словом, Алиция выбрала для своего сына обычную жизнь, и она никогда не пожалела об этом.

– Лусия ничего не знала о том, что Алиция Острожская отдала бумаги Ремгольду. Она не переставая убеждала нас с ней в том, что она и юный Лев находятся в большой опасности, и им нужно бежать и скрыться с нею в Италии, – передохнув, продолжала свой рассказ княгиня. Ее лицо подернулось тенью грусти. – Когда же Лусия через какое-то время поняла, что Сигизмунд не собирается покушаться на жизнь Алиции, она сама наняла убийц, чтобы избавиться от нее. И ей бы это удалось, если бы не вмешался князь Ремгольд.

– Святая правда! – литовский князь, который до сих пор считался язычником, усмехнулся. – Я влюбился в тебя с первой же встречи, влюбился как мальчишка. Устроился со своими людьми лагерем перед Остроленкой и совершенно случайно, заботясь в первую очередь о собственной безопасности, переловил всех этих убийц, допросил, как, знаете ли, могут делать это литвины, а затем представил пред ясны очи Алиции и ее дорогой подруги. И она мне не поверила.

Княгиня мягко рассмеялась.

– Как она могла так сразу поверить тебе, Рем! Она же совсем не знала тебя. Да, к тому времени у нее уже были разногласия с Лусией, но мы и подумать не могли, что она так ревнива!

– Что же было дальше? – тихо спросила Эвелина.

– Дальше мы стали встречаться с Ремгольдом все чаще и чаще, пока, в один прекрасный день, мы не объявили Лусии, что литовский князь Ремгольд намерен просить ее руки. Мы хотели защитить Алицию от Лусии.

– Я ничего не понимаю! – пробормотала Эвелина, устремив недоуменный взгляд на пани Валевскую.

– Вам трудно это понять, дитя мое, – согласился князь Ремгольд. – Постараюсь быть краток и информативен. Княгиня объяснит вам все детали позже, если вы чего-нибудь не поймете из моего рассказа. Ей трудно произнести эти вещи вслух первой. Словом, через день после разговора о моем предложении, Алиция Острожская нашла в своей постели двух ядовитых змей, одна из которых ужалила ее, после чего она умерла.

Эвелина непроизвольно ахнула, прижав к груди руки.

– Можно догадаться, – продолжал литовский князь, – что эти змеи не сами заползли в ее постель по ошибке. Их подкинула туда ее драгоценная подруга, которая была чрезвычайно огорчена тем фактом, что Алиция собирается оставить ее. Когда я услышал о том, что произошло, а у меня в Остроленке было несколько моих наблюдателей, я поспешил в замок, осмотрел тела Алиции и ее подруги, увидел укусы, ну, и сами понимаете, Гражина, постарался оказать им необходимую помощь. У нас в Литве, знаете ли, знают как обращаться с укусами змей. Алиции Острожской не повезло, ей пришлось умереть. Мою будущую жену я завернул в свою попону и увез в Литву. Для того, чтобы дать Алиции достаточно времени, чтобы благополучно умереть, Лусия в тот день рано утром увезла ее сына в Плоцк, куда пригласила мальчика моя любопытная, как белка, кузина Александра, княгиня Плоцкая. Старый князь Острожский в это время находился в Вязьме. Словом, я посулами и угрозами уговорил несколько человек из самых преданных слуг молчать о том, что моя жена осталась жива, остальным было объявлено, что княгиня Острожская скоропостижно скончалась минувшей ночью. Она была благополучно похоронена в фамильном склепе на следующий после ее смерти день. Когда Лусия и юный Лев вернулись из Плоцка, могила была уже прочно зацементирована. Испанка не стала сильно убиваться, а вместо этого постаралась увезти мальчика в Италию. Но Льву к тому времени было уже одиннадцать лет, и она не учла, что он был сильно привязан к матери и также сильно переживал ее смерть. Кроме того, он дал клятву юному Зигмунту Корибуту отомстить за него, и рядом с ним в тот момент не оказалось никого, кто бы мог отговорить его от исполнения этой клятвы. Возможно, если бы Алиция была жива, она могла бы повлиять на сына, но Лусия убила ее. Словом, наша милая испанская тетушка попала в свою же собственную яму. Луи был привязан к ней, но ее мнение для него ничего не значило. Он принял решение остаться в Литве и отомстить за Зигмунта.

– Уф! – завершив свой рассказ, князь Ремгольд с облегчением выдохнул воздух из легких и схватил со стола приготовленную для него чашу с разведенным красным вином. – Кажется, я все сказал? – он вопросительно посмотрел на жену.

– В общих чертах, действительно все, – пани Валевская взглянула на Эвелину.

– Я полагала, что Лусия старалась поссорить Алицию с сыном, – сказала Эвелина, мучительно стараясь понять, какой смысл был герцогине де Монсада убивать свою подругу. – Она ревновала его к ней и хотела иметь на него больше влияния, чем мать. По крайней мере, так говорил князь Федор.

– Если бы все было так просто, дитя мое, – грустно улыбнулась пани Валевская. – Лусия всегда пользовалась мальчиком как орудием против Алиции, когда хотела заставить ее делать то, что ей было нужно. Сам по себе он был интересен ей как красивая игрушка, которая может принести пользу, не более.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Эвелина, вновь, по привычке, обменявшись взглядом с Эльжбетой Радзивилл.

– Успокойся, Гражина, – вновь вмешался в разговор князь Ремгольд. – Испанку не интересовали мужчины. Вот то, что пытается сказать моя дорогая жена, но никак не может подобрать слов. Испанке нужна была Алиция, она любила ее и хотела владеть ею.

– Что?! – шепотом, с ужасом, выдавила из себя Эвелина.

– Ради бога, Ремгольд! – пани Валевская, кусая губы от волнения, подошла к Эвелине и обняла ее за плечи. – Успокойтесь, дитя мое. Вы же жили в Италии какое-то время, Эвелина? Неужели вы не слышали о том, что бывают женщины, которые интересуются не мужчинами, а другими женщинами? Лусия была одной из них. Причем, в отношениях она вела себя как мужчина. Алиция встретила с ней первый раз, когда была еще совсем молода, во время нашей поездки в Венецию. По глупости я позволила ей увлечь себя в эту игру, но затем, когда я обнаружила, что это вовсе не игра, а все гораздо серьезнее, мы с вашей матерью помогли ей сбежать от Лусии и вернуться в Литву. Именно тогда она стала жить под моим именем. Мы наивно думали, что навсегда избавились от нее. Через десять лет, когда после смерти Лайоша Венгерского Алиция оказалась в безвыходном положении, преследуемая и гонимая, с маленьким сыном на руках, Лусия без колебаний предложила ей помощь. Взамен она предложила ей сделку. За свою жизнь и жизнь своего сына Алиция должна была заплатить ее покорностью и ее телом. Видите, Эвелина, – губы пани Валевской искривились в горькой усмешке, – вы с ней очень похожи. У вас был Валленрод, у Алиции – Лусия де Монсада.

Эвелина была так ошарашена, что не могла найти слов. Она только молча с ужасом смотрела на красивую светловолосую женщину, в глазах которой стояли слезы от воспоминаний о душевной боли, через которую ей пришлось пройти вместе со своей подругой много лет тому назад. Собственные воспоминания о замке, о Валленроде, обо все том, что случилось с ней внезапно нахлынули на нее, накрыв ее волной. Словно поняв ее состояние, княгиня Ремгольд сжала тонкие пальцы молодой женщины своими пальцами и порывисто обняла ее, прижав к своей груди, чтобы облегчить ее боль.

Суровый литовский князь отвернулся к стене, чтобы справиться со своим волнением при взгляде на жену.

– Теперь в опасности вы, мое дорогое дитя! – вскричала пани Валевская, через некоторое время с неохотой отстраняясь от Эвелины и с тревогой глядя ей в лицо. – Вы слишком красивы, и Лусия непременно постарается получить вас! Вы едете в Вильну, чтобы присоединиться к мужу, а она сейчас живет в его доме. Я очень беспокоюсь за вас, Эвелина! Мы послали вам в подарок Хаски, чтобы защитить вас, но, судя по тому, что мы слышали, собака больше предана малютке Даниэлю, чем вам.

– Стало быть, – снова вступил в разговор князь Ремгольд, – с детьми все в порядке. Даниэль под защитой. Юный Андрей, как я понял, с успехом может защитить себя сам. Нам нужно постараться обеспечить теперь лишь безопасность Гражины.

– Я надеюсь, что любовь могущественного князя Острожского защитит ее, – тихо проговорила пани Валевская.

– Юный Лев любил свою мать, дорогая, чтобы не болтали по этому поводу злые языки, – возразил князь Ремгольд. – Но это не спасло ее от смерти!

– Между любовью сына и любовью мужа большая разница, – сказала княгиня. – Мужчина, который любит, способен воскресить тебя из мертвых! Как это сделал для меня ты, дорогой.

– Я не могу сказать, что это было одним из лучших воспоминаний в моей жизни, – с чувством отозвался князь Ремгольд. – Я бы отдал все на свете за возможность не иметь такого опыта! Если ты уверена, что твой сын любит Гражину, было бы слишком жестоко заставлять его пройти через то ужасное чувство потери, которое испытал я сам!

– Как же еще мы можем помочь ей? – спросила пани Валевская. – Я готова воскреснуть из мертвых, чтобы защитить Эвелину!

– Ни в коем случае! – вскричал князь Ремгольд, в беспокойстве глядя на жену. – Если она снова попытается убить тебя, я не переживу этого! Пощади мои чувства, дорогая! Мы должны придумать что-то другое!

Эвелине вдруг стало невероятно грустно от того, с какой любовью и тревогой смотрел на жену князь Ремгольд. Как двадцать лет назад, он был готов вновь и вновь сражаться за ее безопасность, невзирая на то, какие осложнения приносила ему его женитьба. День за днем, год за годом, он был вынужден скрывать свою жену в Кревском замке, выслушивая град насмешек, сыпавшихся на него со всех сторон от многих литовских вельмож, его друзей и его врагов, а порой даже от самого великого литовского князя.

Она вдруг неожиданно, подчиняясь внезапному озарению, сказала:

– Пообещайте мне, князь и вы, княгиня, что как только мы разберемся с донной Лусией, вы откроете имя вашей жены, и пани Валеvская сможет смело появляться при всех дворах!

– Единственное, что заставляет меня скрывать ото всех свою жену, это соображения ее безопасности! – с досадой сказал князь Ремгольд, словно его уличили в нехорошем поступке.

– Я ни капли не сомневаюсь в этом, князь! – воскликнула Эвелина. – Более того, я уверена, что вам будет очень приятно представить вашу красивую и умную жену при дворе Витовта! Великий князь до сих пор высоко ценит общество таких женщин, как пани Валеvская.

Князь Ремгольд только вздохнул в ответ на пафос ее слов, признавая, тем не менее, их справедливость.

Эвелина посмотрела на пани Валеvскую.

– А вы? Вы обещаете расстаться со своей таинственностью, княгиня?

– Да, – та с признательностью взглянула в лицо молодой женщины, но через некоторое время ее тревога взяла свое:

– Что же вы намерены делать? – с беспокойством спросила она в ту же минуту.

– Пока не знаю. Но мы непременно что-нибудь придумаем.

– Мы? – удивилась княгиня Ремгольд. – Кто это мы?

– Эли, – Эвелина повернулась к подруге. – Ты не хочешь поехать со мной в Вильну?

– Нет, – сердито отрезала Эльжбета. – Я ее боюсь! Если это именно она уговорила мою мать напоить Острожского той самой гадостью, от которой он потерял память на шесть лет, то я просто подумать боюсь, чем она может попотчевать меня, если приревнует к тебе! Между прочим, как только Острожский выпил мой отвар, к нему вернулась не только его память, но, кажется, и его истинный облик! Он стал выглядеть, как прежний Острожский, говорить, как Острожский, а не как какой-то там заморский герцог!

– Это правда, – задумчиво сказала Эвелина. – Он действительно изменился. Ты полагаешь, – она повернулась к Эльжбете, – что эта донна Лусия по-прежнему подмешивает что-то в его еду?

– Я бы не удивилась, – буркнула Эльжбета. – Возможно, в меньших порциях. К счастью, она не знает, что именно я ему дала в прошлом году. Когда ты поедешь в Вильну, тебе нужно в первую очередь получить контроль за домом и присмотреться к прислуге. Возможно, мне действительно стоило бы поехать с тобой, но я боюсь, что Острожский узнает меня, и тогда мы уже точно влипнем по полной программе.

– Ты можешь приехать в гости пару дней спустя после моего приезда, и остановиться где-нибудь в Вильне, – предложила Эвелина.

– Где? – скептически спросила Эльжбета. – У нас нет дома в Вильне, только в Троках. Это слишком далеко, с такой изобретательной ведьмой, как испанская тетушка Острожского, надо быть все время начеку.

– Вы можете остановиться в моем доме! – вмешался в разговор князь Ремгольд. – Никто не удивится, если у меня в доме появится моя, скажем, литовская племянница с детьми.

– Благодарю вас, князь! – с признательностью сказала Эвелина.

– Тогда, – Эльжбета посмотрела на Эвелину, темные глаза ее заискрились вдохновением. – Я думаю, будет лучше, если мой Зигмунт станет жить в доме Острожских вместе с твоим Андреем. Вдвоем эти сорванцы способны горы свернуть! Посмотрим, как это понравится испанской тетушке! Надеюсь, мальчишки не станут большой головной болью для тебя, Эва? – тут же с лукавой усмешкой обратилась она к Эвелине.

– Ну что ты! – вернула ей усмешку Эвелина. – По крайней мере, они оба будут заняты друг другом.

Князь Ремгольд громко расхохотался.

– Весьма наслышан о вашем сыне, Гражина! Было бы очень любопытно познакомиться с ним лично. Если он так хорош в седле, как об этом говорил Витовт, я подарю ему одного из своих элитных коней.

– Он уводит из конюшни огромного арабского жеребца, привезенного Острожским с другого конца света, дикого и своенравного, как ветер, и скачет на нем без седла и стремян, – со вздохом сказала Эвелина, – Каждый раз, когда я вижу это, у меня замирает сердце. Не думаю, что вы удивите его литовскими лошадьми.

– Посмотрим-посмотрим, – ухмыльнулся князь Ремгольд, потирая руки. – Все эти европейские лошади в подметки не годятся быстрым и выносливым литовским лошадкам!

– Это же замечательная идея! – согласилась Эльжбета. – Пришлите мальчикам пару ваших литовских лошадок в подарок в дом Острожских в Вильне, только, пожалуйста, что-нибудь поспокойнее для моего сына, и они будут заняты целыми днями, производя при этом невероятный шум на всю округу! Нам надо выманить Лусию из ее уютного имиджа доброй тетушки. К тому же, – она повернулась к князю Ремгольду, – для вас это будет очень хорошим поводом появиться в доме Острожских. Поверьте мне, судя по тому, что вы мне сказали, и что я узнала от моей матери, на каком-то этапе Эвелине нужна будет мужская помощь.

Литовский князь одобрительно кивнул.

– Ты знаешь, дорогая, – через минуту, оживленно сверкнув глазами, обратился он к жене, все это время молча слушавшей их разговор. – Мне кажется, эти девчонки достанут все-таки твою драгоценную подругу! Если они сделают это, я поставлю Гражине памятник из чистого золота!

– Вам нужно быть очень осторожной, дитя мое, – пани Валевская постаралась улыбнуться, но было видно, что тревога сдает ее изнутри. – Возьмите с собой Гунара, кроме того, мы дадим вам в сопровождение нескольких преданных нам людей, которые не будут спускать с вас глаз. Надеюсь, все обойдется.

Князь Ремгольд встал.

– Нам пора идти. Увидимся в Вильне, Гражина. А вам, моя дорогая литовская ведьма, – он подмигнул Эльжбете, – я обеспечу достойный эскорт в мой дом в Вильне в начале следующего месяца. Будьте готовы к тому времени, и не забудьте ваши травы и котелки! У меня такое впечатление, что они нам понадобятся.

Глава 6

Вильна, Великое княжество Литовское, декабрь 1417 г.

Острожский не поверил своим глазам, когда через месяц после их встречи с Эвелиной в Кракове, он увидел в окно своего дома в Вильне подкатившие к крыльцу несколько крытых зимних возков, из которых поочередно начали появляться одетые в шубы и шапки люди, среди которых он узнал Гунара, Аделину, Марженку и, наконец, Эвелину и Андрея. Клубы пара от конского дыхания на морозе мешали ему увидеть, сколько именно людей из Остроленки прибыли с его женой.

Он был так поражен их появлением, что остановился диктовать послание к королю на полуслове, и его секретарь должен был прочистить горло для того, чтобы привлечь его внимание к письму. Когда он поспешно закончил диктовать письмо и отпустил секретаря, ему понадобилось несколько минут для того, чтобы справиться со своим волнением. Она приехала по его зову! Она была в доме вместе с ним! Он перевел дыхание и закрыл глаза, вспоминая ее улыбку, ее волосы, рассыпавшиеся по ее плечам, а затем по его груди, вкус ее губ, ощущение ее волос на своем плече, трепещущее тепло ее плоти... Он опомнился и постарался привести себя в чувство. Она – моя жена, твердил он про себя, поспешно спускаясь по лестнице, чтобы скорее увидеть ее. Она приехала потому, что я ее позвал, она простила меня, и я должен быть вежливо-внимательным, я не должен показать ей, что я просто умираю от желания затащить ее в постель, что я безумно скучал по ней все это время, и я готов сделать абсолютно все в обмен за то, чтобы увидеть любовь и улыбку в ее глазах.

Ожидавшая его в гостиной Эвелина подняла голову на звук его шагов и встретила его взгляд. Он тут же прикрыл ресницами блеснувшие непонятным ей торжеством искристые глаза, и когда она вежливо поднялась ему навстречу с дежурными словами: «Ваша светлость!», с усмешкой поправил ее, поднося к губам ее руку:

– Никогда не говори мне ваша светлость, Эвелина! Мне вполне подойдет твое обычное ко мне обращение.

– Какое именно? – не удержалась от того, чтобы съязвить Эвелина, уставшая от дальней дороги. – Господин посол? Или просто – Острожский?

Она не успела больше ничего сказать. Не выпуская из своих рук ее кисти, Острожский привлек ее к себе и поцеловал. Прикосновение его губ к ее губам было таким крепким и жадным, что Эвелина почувствовала, как пол начал стремительно уплывать из-под ее ног, и во всем мире остались только он и она, его руки сжимали ее в объятьях, его губы приникли к ее губам, и она на секунду перестала чувствовать саму себя, растворившись в его страсти.

– Боже мой, Острожский, вы с ума сошли! – она нашла в себе силы упереться руками в его груди и отстраниться от него. – Только не в гостиной, умоляю вас!

– Так приятно возвратиться к прежним именам.

Острожский разжал объятья и почувствовал, как Эвелина выскользнула из его рук.

– Я счастлив, что вы прислушались к моей просьбе и присоединились ко мне в Вильне, моя дорогая, – сказал он.

Эвелина, скинувшая прямо на пол свою шубу и уже подходившая к окну, чтобы увидеть, как проходит разгрузка вещей, которые она привезла с собой, внезапно остановилась и повернулась к нему.

– Я вернулась к вам на одном условии, – сказала она, глядя на Острожского.

– Я помню! – спросил он, убирая с дороги ее шубу и вновь приближаясь к ней. – Может быть, теперь вы озвучите мне это условие, дорогая? Я четко и долго ждал, чтобы услышать его, – с просквозившем в его голосе легким упреком пошутил он.

– Отныне я – единственная женщина в вашей постели и в любом другом месте, где вам вздумается заняться любовью. Вы нарушите это условие, и я уйду от вас навсегда!

В ее тоне прозвучало нечто, заставившее Острожского внимательно всмотреться в выражение, появившееся на ее лице.

– Это просто смешно, – пытаюсь сдержать свою досаду, сказал он. – Зачем мне другие женщины, когда у меня есть вы?

– Но они зачем-то понадобились вам год тому назад!

Острожский, в волнении взъерошив свои волосы, на секунду выпустил ее из своих объятий и заглянул ей в глаза.

– Я... я был очень расстроен тогда, – наконец, медленно сказал он. – Ну, в общем, всеми этими темными местами моей биографии. И тем, что вам пришлось узнать все это в присутствии семейства мазовецких князей, Витовта и короля. Мне нужна была разрядка. Я пришел к вам... но я боялся сделать вам больно. Мне нужно было тогда обладать женщиной так, чтобы забрать у нее тело и душу, и я боялся, что это навсегда оттолкнет вас от меня. В моей душе царилась ночь. И я был жестоким и требовательным, как ночь. Я не мог подвергнуть вас такому испытанию... Нет, только не после того, что вы перенесли в руках Валленрода!

– Князь! – Эвелина прижала свои пальцы к его губам, чтобы заставить его замолчать. – Остановитесь и послушайте меня. Вы лично никогда не были жестоки со мной. За исключением того самого момента, как я увидела вас с другой женщиной! Запомните, что пока с вашей болью или с вашими бедами вы приходите в постель ко мне, я прощу вам все, и я всегда буду счастлива вам помочь. Всем, чем могу.

Острожский почувствовал, что от ее слов кровь отлила от его лица и прилила к его щекам.

– Это единственное условие вашего ультиматума, дорогая? – глухим голосом спросил он, пытаюсь справиться с обуревавшим его желанием подхватить ее на руки и унести в свою опочивальню.

– Нет, мой дорогой князь, – Эвелина сделала вид, что не замечает ясно отразившихся на его лице мыслей. – Второе условие состоит в том, что я хочу быть вашей женой не только в постели, но и в доме. Дом должен стать моей территорией. Слуги и дети повинуются мне, пока они на моей территории, в нашем доме. Я ничего не имею против гостей, но они всегда должны быть гостями, а не хозяевами в нашем доме.

– Вы имеете в виду мою тетушку, дорогая? – усмехнулся Острожский, правильно поняв смысл ее речи.

– Именно так, – не стала лукавить Эвелина. – Я ничего не имею против герцогини де Монсада, но я хочу быть хозяйкой в своем доме.

– Витовт был прав, дорогая, – пошутил он, чувствуя себя невероятно счастливым от того, что она была здесь, с ним, снова в его объятиях. – Вас можно хоть сейчас назначать одним из командиров его армии. Кстати, о вашем прибытии уже осведомлялись ваш старый знакомый князь Наримант из Гродно и даже сам князь Ремгольд. Не подозревал, что вы так хорошо знакомы с заместителем великого князя в Жемайтии.

– Ну, если быть честной, дорогой, – сказала Эвелина, затеяв глаза ресницами. – Я познакомилась с самим князем много лет назад в Жемайтии, а с его женой совсем недавно в Польше.

– Вы знакомы с его женой, Эвелина? – заинтересовался Острожский. – С таинственной незнакомкой из Кревского замка? Вы не перестаете меня изумлять!

– Итак, вы согласны с моими условиями? – страхнув упавший на глаза выбившийся их прически локон светлых волос, спросила Эвелина, умышленно переводя разговор в другое русло. – Могу я дать сигнал устраивать слуг и детей?

– Детей?! – Острожский расхохотался. – Я так и знал, что вы привезете детей, Эвелина! Что, Анри не понравилось при польском дворе?

– Андрею нравится везде, – дипломатично сказала Эвелина, посмотрев на мужа. – Я просто заметила, что он, ну скажем, слишком беспокоен для тихого, степенного польского двора. У Ягайло начинается головная боль, когда ему докладывают о проделках юного князя Острожского. И поскольку никто, кроме меня, не может сладить с ним, – она сокрушенно развела руками, придав своему лицу подчеркнуто серьезное и даже озабоченное выражение, – то мне пришлось взять его с собой. Надеюсь, вы не возражаете?

Острожский насмешливо улыбнулся.

– Конечно, нет, дорогая. Я уже согласился со всеми вашими условиями. Дом и дети – ваша ответственность, не так ли? Может быть, вы хотите присоединить к ним лошадей и собак с моей конюшни? Моя жизнь в Вильне от этого существенно облегчится.

– У вас большая конюшня, Луи? – сразу же заинтересовалась Эвелина. – Вы привезли с собой арабских скакунов?

– Значит ли это, княгиня, что вы хотите попросить лошадь для верховой езды?

Ладони Острожского теснее сжали талию Эвелины, он мягко привлек ее к себе, не в силах противиться желанию почувствовать близость ее тела, запах ее волос, вкус ее поцелуя. Эвелина положила руки ему на плечи, взглянула в лицо и невинным тоном заметила:

– Не только для меня, мой князь! Также для Андрея и для юного Зигмунта Радзивилла.

– Что?! – с поддельным ужасом вскричал Острожский, забавляясь ее своеволием. – Юный Радзивилл тоже с вами?!

– Дорогой, ну как же я могла обойтись без рассудительного Зиги Радзивилла? – спросила Эвелина. – Без него Андрей бы разнес наш дом, а с ним и половину Вильны, в течение недели!

– В Испании Анри был очень милым мальчиком! – возразил Острожский, любуясь блеском ее глаз.

– До тех пор, пока не садился на коня? – предположила Эвелина. – Как он рассказывал, ему это редко удавалось. Кроме того, Испания – не Литва! Андрей был так послушен потому, что поскорее хотел вернуться к своей вольной жизни на родине.

– Не будь такой вежливой, Эвелина, – усмехнулся Острожский, прижимая к себе гибкое тело жены. – Он был таким спокойным потому, что ужасно злился на меня из-за того, что вас не было с нами, не правда ли?

– Возможно.

Острожский наклонился к ней, и их губы встретились. Он почувствовал мгновенное колебание и словно нерешительность Эвелины, а в следующую минуту она ответила на его поцелуй, ее руки скользнули с его плеч и обвилились вокруг его шеи.

– Ваша светлость? – на пороге появился дворецкий.

– Что там еще случилось? – пробормотал Острожский, не в силах оторваться от губ Эвелины.

– Луис!

Вслед за дворецким из Остроленки, Войтехом, которого Острожский всегда возил с собой, в гостиную стремительно вошла герцогиня де Монсада.

– Луис, что происходит?! Весь дом словно вверх дном!

На какой-то момент она вздрогнула от неожиданности, увидев застывшие в объятьях посреди комнаты фигуры Острожского и Эвелины, а потом постаралась придти в себя.

– Кажется, она пришла жаловаться, – прошептал на ухо Эвелине Острожский. – Наверное, наш сын уже начал свою разрушительную деятельность. Ты уверена, что справишься с ней, дорогая?

Прикосновение его губ к мочке ее уха, ощущение его дыхания на своей щеке произвели на Эвелину такое впечатление, что мурашки предвкушения восторга пробежали по ее коже.

– Ты ведь дал мне карт-бланш? – прерывисто прошептала она в ответ, утыкаясь лицом ему в грудь и с наслаждением вдыхая такой знакомый исходящий от него запах, в котором

смешивались аромат свежесделанной кожи, составлявшей отделку его литовского по покрою камзола и запах дождя, который всегда ассоциировался у нее с ним. Прикосновение ее губ к коже на его груди чуть не заставило Острожского застонать вслух от острого наслаждения.

– Конечно же, дорогая! – только и смог прошептать в ответ он. – Только постарайтесь ничего не ломать.

– Сложно что-либо обещать, – пробормотала Эвелина, наслаждаясь его близостью. – Могу лишь пообещать обойтись без трупов.

Он засмеялся, и она почувствовала, как его тихий смех отозвался эхом в его груди, к которой она по-прежнему прижималась своей щекой.

Помедлив еще немного, не желая выпускать ее из своих объятий, Острожский, наконец, разомкнул свои руки, освобождая Эвелину, обернулся к герцогине и, мягким движением развернув в ее сторону Эвелину, постарался как можно официальнее в сложившейся обстановке представить обеих женщин друг другу.

– Тетушка, позвольте представить вам мою жену, Эвелину Острожскую, – самым нейтральным тоном, на который он был способен в ту минуту, сказал он. – Эвелина, познакомьтесь с моей испанской тетужкой, герцогиней Лусией де Монсада.

С сожалением отстраняясь от мужа, Эвелина с заученной годами в Мальборке любезной улыбкой обернулась к ожидавшей ответа герцогине де Монсада.

– Очень приятно познакомиться с вами, донна Лусия, – в ее спокойном мелодичном голосе не слышалось никаких оттенков эмоций. – Прошу простить меня за весь этот переполох. Просто я привезла в Вильну целую армию слуг и детей. Сейчас я все улажу. Войтех, пойдете со мной.

Не дожидаясь ответа немного растерявшейся герцогини, Эвелина бегло улыбнулась ей по-прежнему безличной придворной улыбкой, и, взглянув на Острожского, быстро пошла к двери. Ему показалось, что в ее глазах промелькнула насмешка, он и сам тихо усмехнулся про себя, глядя на обескураженное лицо тетужки Лусии.

Старый дворецкий княгини Острожской, всегда недолюбливавший герцогиню, с радостью последовал за молодой хозяйкой, которая решительно покинула гостиную. Из коридора Острожский услышал ее спокойный голос, раздающий четкие лаконичные приказания прислуге. Шум и гам, создаваемые, по-видимому, Андреем и Зигой Радзивиллом, скоро прекратились, слышны были только торопливые шаги прислуги и их веселые перекликающиеся голоса, удалявшиеся вглубь дома, вслед за голосом Эвелины.

– Она распоряжается здесь, как хозяйка! – с недоверием в голосе сказала герцогиня де Монсада, опомнившись от изумления стремительными действиями Эвелины.

– Она и есть хозяйка, – подтвердил Острожский, решив, что будет лучше объяснить ситуацию тетужке сразу и до конца. – Не забывайте, тетужка, она моя жена.

– Но, – Лусия не находила слов. – Но я всегда была хозяйкой в твоём доме! – наконец, выпалила она в возмущении.

– Все изменилось.

Острожский остановился рядом с ней и посмотрел ей в лицо.

– Лусия, – негромко произнес он, стараясь мягкостью своего тона смягчить жестокость своих слов. – Я женат. Вы были хозяйкой в моем доме до тех пор, пока не вернулась настоящая хозяйка, княгиня Острожская, моя жена. Не волнуйтесь, Эвелина весьма искусная особа, она привыкла вести дом с юного возраста, сначала дома отца и Валленрода, потом, в течение шести лет, в мое отсутствие, справляться со всеми нашими обширными владениями в Польше и в Литве. Постарайтесь расслабиться, тетужка, и наслаждайтесь жизнью.

Лусия де Монсада в возмущении всплеснула руками.

– Наслаждаться жизнью? Луис, как ты себе это представляешь? Я не буду подчиняться девчонке!

– Лусия! – голос Острожского стал резким. – Перестаньте пререкаться. Я не потерплю в доме ссор, как это было во времена моей матери! Нравится вам или нет, но Эвелина – моя жена. Семь лет назад я купил этот дом в Вильне для нее и по ее выбору. Это – ее дом, она привезла с собой детей, моих детей, которых надо устроить и о которых надо заботиться. Где тот здравый смысл, которым вы всегда так гордились?! Вам следовало бы предложить ей свою помощь!

Лусия де Монсада фыркнула и быстро вышла из гостиной, хлопнув дверью.

Глава 7

Вильна, Великое княжество Литовское, весна 1417 г.

Герцогиня де Монсада стояла в темной господской спальне перед кроватью с неплотно задернутыми шторами балдахина, через которые она могла видеть тесно переплетенные в любовной схватке тела племянника и его жены, поразительной по красоте молодой женщины, которую она, Лусия де Монсада, возжелала с первой же минуты, когда ее увидела. Она была очарована шевелюрой ее белокурых волос, ее большими голубыми глазами, ее совершенным телом греческой богини и ее тонкой белой кожей, даже едва приметной голубоватой жилкой, которая билась сейчас на ее запрокинутой шее. Лусия думала о том, как несправедлива к ней жизнь. Почему этой женщиной, этой прекрасной богиней должен владеть только ее племянник? Конечно, Луис красив, воспитан, но он мужчина. Почему она встретила эту прекрасную девушку, когда она уже совсем немолода? Много лет назад она полагала, что Алиция Острожская была ее судьбой, но она ошибалась. Алиция Острожская предала ее, и она заплатила за это своей жизнью. Лусии было ее совсем не жаль. Эвелина Монлери – молодая княгиня Острожская, жена ее племянника, была в десятки раз красивее Алиции и в сотни раз изысканнее ее. В добавление к этому, она была благородного происхождения, она была утонченна и воспитана в лучших традициях европейского этикета. Она говорила на всех европейских языках, и ее мать наполовину итальянка. Лусии было больше нечего желать. Она хотела эту девушку, и она привыкла получать то, что хотела. Несомненно, в данный момент, обстоятельства складываются не в ее пользу. Луи очевидно влюблен в свою жену. Он стремится затащить ее в постель при каждом удобном случае и кажется совершенно бесстыдным и насытым с ней. Это притом, что у них уже двое маленьких детей. Что же остается ей, Лусии? Ждать, пока он осквернит тело этой прекрасной молодой женщины еще одним своим ребенком?! Она была с этим категорически несогласна.

Герцогиня нахмурилась и бесшумно выскользнула из супружеской спальни. Уже спускаясь по лестнице вниз, в гостиную, она продолжала размышлять о своей жизни в Вильне после приезда туда княгини Острожской. Ее мысли изменили свое направление. Теперь она думала о том, что если она хочет получить Эвелину Монлери для себя, то она должна действовать! Спускаясь по лестнице, Лусия де Монсада рассеянно барабанила тонкими длинными пальцами, унизанными перстнями, по перилам. События складывались для нее совсем не тем образом, который она ожидала. Первым неприятным сюрпризом было то, что у Эвелины Острожской оказалось много друзей в Вильне и она очень часто проводила время вне дома. Несмотря на это, практически вся армия слуг, которая с приездом ее и детей обосновалась в особняке, была предана ей и беспрекословно выполняла все ее распоряжения, игнорируя приказы герцогини, которые противоречили этим распоряжениям. Герцогине даже казалось, что за ней была установлена негласная слежка со стороны прислуги, особенно, когда ей приходило в голову заниматься на кухне созданием зелий, начиная от простеньких зелий от головной боли или от колики в желудке.

Следующим неприятным сюрпризом было знакомство Эвелины с князем Ремгольдом, этим литовским дикарем, который в свое время отнял у Лусии внимание Алиции Острожской и даже посмел подговаривать ее противостоять Лусии! Герцогиня еще больше нахмурилась, вспомнив, как наутро после приезда Эвелины с детьми в Вильну она была разбужена необычным шумом во дворе. Открыв окно, поскольку из-за этого льда, налипающего на стекла, невозможно было хоть что-то увидеть, Лусия заметила во дворе высокую кряжистую фигуру бывшего наместника великого князя в Жемайтии, сразу же показавшуюся ей знакомой. Он был одет в короткий тулуп из волчьей шкуры, вывернутый шкурой вовнутрь, какие в этой дикой стране называют дубленками. Тулуп был незастегнут, литовец также был без шапки, и легкий

снежок уже немного припорошил белыми хлопьями его все еще остававшиеся иссиня-черными волосы. Одной рукой, он играючи держал под узцы двух молодых жеребцов-трехлеток, грызших поводья и перебирающих от нетерпения ногами на месте. Рядом с ним прыгали на месте от радости, издавая громкие вопли, Андрей Острожский с его приятелем Зигой Радзивиллом. Им навстречу уже спешила улыбающаяся Эвелина, в светлой длинной шубке, с распущенными по плечам светло-золотистыми волосами, такая прекрасная и желанная, что у Лусии зануло сердце. Они оба вели себя так, словно были знакомы уже целую вечность. Эвелина даже легонько коснулась губами задубевшей щеки наместника Жемайтии, а он с улыбкой похозяйски на секунду приобнял ее за талию. Оказалось, что проклятый литвин привел коней в подарок мальчикам Острожским. С того самого дня Андрей и Зига Радзивилл целый день возились с этими полудикими необъезженными лошадьми во дворе, издавая при этом такие вопли, что у Лусии каждый раз начиналась мигрень.

Продолжая медленно, ступенька за ступенькой, спускаться вниз по лестнице, Лусия сосредоточенно размышляла. Пожалуй, при том уровне симпатии, котоую она испытывала к жене своего племянника, ей следует не просто попробовать подружиться с Эвелиной, ей следует сразу попытаться соблазнить ее. Соблазнить сначала какими бы то ни было жизненными благами, прежде чем подойти к любовному соблазнению. Но что она может предложить этой красивой молодой женщине? Из долгого разговора с Изабеллой Кавальканти и братьями Контарини в Венеции полгода тому назад она получила впечатление, что их польская кузина больше всего на свете ценила свою свободу, и что она долго не желала связывать свою судьбу с мужчиной, которого с детства предназначали ей в мужья. В этом Лусия очень хорошо понимала ее. Но, получив в мужья ее богатого, привлекательного и чрезвычайно самоуверенного племянника, захочет ли она оставить его ради Лусии? Она помнила, что Эвелина не захотела последовать за Луисом в Италию. Она заставила его вернуться и жить с ней в Литве. Лусия хотела знать, почему. Возможно, эта молодая женщина до последнего момента рассчитывала, что Луис не вернется? Если так, тогда у нее есть шанс! Она должна очень внимательно присмотреться к Эвелине Монлери, прежде чем делать решительный шаг. Она не может позволить себе совершить ошибку подобную той, которую она сделала с Алицией Острожской! Между ней и женщиной, которую она пожелала, никогда не должен встать мужчина!

В тишине дома Лусия вдруг услышала неясные голоса, идущие из-за полуоткрытой двери супружеской спальни, которую она забыла прикрыть. Лусия застыла на лестнице, на минуту в нерешительности заколебавшись о том, что делать, а потом, приняв решение, развернулась и быстро и бесшумно побежала по лестнице вверх, остановившись а площадке перед дверью, откуда она могла очень хорошо различить, что происходило в комнате. Первое, что она услышала, поднявшись вверх и едва сдерживая дыхание от быстрого бега, был негромкий голос Эвелины.

– Вы никогда не рассказывали мне о вашей матери, Луи.

Полог балдахина кровати, которую донна Лусия могла видеть, заглянув в щелку приоткрытой двери опочивальни, был уже полностью открыт. Сквозь щель двери герцогиня да Монсада могла отчетливо видеть, что голова Эвелины лежала на плече Острожского, в спальне было полутемно, тусклый свет ночника выхватывал из окружающей тьмы полосу штор на окне и незадернутый полог кровати. Герцогиня затаила дыхание и превратилась в слух.

Острожский пошевелился, Эвелина подумала было, что ему тяжело и подняла голову с его плеча, но он снова уложил ее себе на грудь и еще теснее привлек Эвелину к себе.

– Почему ты спрашиваешь?

Она была так близка к нему, что ей казалось, что его голос шел из его груди.

– Мне интересно. Эли рассказывала, что когда мы были детьми, я некоторое время жила в Остроленке после смерти моей матери, – осторожно сказала она.

– Правда? – не открывая глаз, удивился Острожский. – Я хорошо помню Эльжбету, но не тебя.

– Я тоже ничего не помню, – созналась Эвелина. – Хотя, когда вы привезли меня в Остроленку в первый раз, она показалась мне странно знакомой. Этот великолепный розарий вашей матери! Я скучаю по Остроленке. Почему вы не хотите говорить о ней, князь? Я слышала, она была красавицей.

– Да, – Эвелина почувствовала, как он вздохнул. – Она умерла, когда мне едва исполнилось десять лет. Чего ты от меня хочешь, дорогая?

– Отчего она умерла? Она болела?

Острожский некоторое время молчал. Эвелина лежала рядом, наслаждаясь теплом постели и его присутствием, и не торопила его.

– Я не знаю, – наконец, сказал он, – Меня в тот момент не было в Остроленке. Мы с Лусией были на ярмарке в Плоцке. Когда мы вернулись в Остроленку, ее уже успели похоронить.

Эвелина пошевелилась, снова подняла с его плеча свою голову и обратила свое лицо к мужу. От ее движения волна светлых длинных волос рассыпалась веером по груди Острожского. Он невольно перевел дыхание, так как прикосновение шелковистых прядей было необыкновенно возбуждающим.

– Проясни для меня, дорогой, одну вещь, – попросила Эвелина, глядя в лицо Острожского. – Я уверена, что, если бы я умерла, Андрей потребовал бы от всех, в первую очередь от тех, кто присутствовал при моей смерти, объяснений. Причем, в весьма категоричной форме. Разве вы не сделали этого?

– Эвелина, я почти уверен, что дедушка рассказал тебе историю о том, что мать отравила Лусия, – все так же, не открывая глаз, сказал Острожский. – Но я не верю в это.

Брови Эвелины взметнулись вверх.

– Почему? – с изумлением спросила она. – И отчего же тогда она, по вашему, умерла? Какое объяснение получили вы?

– Она умерла от укуса змеи, – наконец, неохотно ответил Острожский.

– Змей?! – от удивления Эвелина даже приподнялась на постели. – Вот уж никогда не видела в Остроленке змей! Даже в саду и возле озера. Откуда она взялась, эта змея? И что это была за змея такая?

– Насколько я помню, болотная гадюка, – с видимым неудовольствием отвечал Острожский.

– Болотная гадюка? – не удержалась от восклицания Эвелина. – Ваша мать погибла на болоте?

Острожский молча притянул Эвелину к себе, заставив ее снова улечься в постель рядом с ним.

– Она заползла матери в постель и укусила ее, – помолчав, сказал он. – Этого довольно, Эвелина? Я удовлетворил твое любопытство? Может быть, мы будем спать?

– Я не хочу спать. Какая ужасная история!

Опершись локтем о постель рядом с подушкой, на которой лежал Острожский, Эвелина в задумчивости уткнулась подбородком в тыльную часть сложенной ладони.

– Неудивительно, что вы не хотели говорить о ней. Вы любили мать, князь?

Перед мысленным взором Острожского промелькнула давняя полузабытая картина, которую он все эти годы пытался вытравить из своей памяти: молодое, красивое, смеющееся лицо его матери, обрамленное развевающимися на ветру длинными русыми волосами; ямочки на ее щеках, ее темные лукавые глаза и ее раскрытые навстречу ему руки, когда он, шестилетним ребенком, несется ей навстречу и длинные жесткие стебли луговой травы больно хлестают его босые ноги...

Он тряхнул головой, чтобы избавиться от этой картины и, окончательно проснувшись, посмотрел на Эвелину.

– Странный вопрос, дорогая. Все дети любят мать. Разве ты не любила свою?

– У меня несколько иной случай.

Тяжелые пряди белокурых волос соскользнули с плеч Эвелины и накрыли ее лицо занавесой в то время, как она продолжала говорить:

– Я не помню своей матери, я была совсем малышкой, когда она умерла. Для меня она – только портрет со стены в комнате моего отца. Тот портрет, – лукаво добавила она, отведя с глаз прядь волос, чтобы взглянуть на Острожского, – который заставил вас вернуться из Италии в Литву.

– Это был вовсе не портрет, – усмехнувшись, сказал Острожский. – Это был наш друг Дитгейм. После того, как он огорошил меня известием о том, что у меня есть жена и сын, мне не оставалось ничего другого, как поспешить к вам и Андрею в Польшу.

Эвелине вдруг показалось, что портьеры, прикрывавшие двери, чуть заметно колыхнулись.

Закинув руки за голову, Острожский снова прикрыл глаза. Его лицо стало спокойно и бесстрастно, словно каменная маска, когда он, немного помедлив, нарочито спокойно произнес:

– Дорогая, может быть довольно ходить вокруг и около? Почему бы тебе сразу не спросить меня о том, что именно тебя интересует в дедушкиной версии о смерти моей матери?

– Правда?

Эвелина села в постели и перекинула мешающую ей тяжелую гриву своих волос себе на грудь.

– А вы не будете злиться, топтать ногами и брызгать слюной, как ваш дядюшка Ягайло?

– Я?! – с притворным возмущением вскричал Острожский, открывая глаза. – Никогда! Я буду злиться в лучших традициях наших друзей крестоносцев. Вы не видели нового магистра Ордена, господина фон Платтена? Когда он злится, он словно замирает от ярости, белеет и становится похож на живого мертвеца. Так что вы хотели узнать, дорогая?

Эвелина со смехом сдвинулась от него на край постели.

– Прекратите, я терпеть не могу мертвецов, князь! И вообще, я уже задала вам вопрос, не увильвайте!

– Ты задала мне с дюжину вопросов, дорогая. С какого ты хотела бы начать?

– Это правда, что ваша тетушка – ведьма? – глядя прямо в глаза Острожского, спросила Эвелина.

Ей уже отчетливо показалось, что портьеры у дверей колыхнулись, словно от сквозняка.

Князь некоторое время в недоумении смотрел на нее, а потом покачал головой.

– Я полагал, что у вас достаточно здравого смысла, чтобы не повторять эти глупости! – с укором сказал он.

– Почему глупости? – удивилась Эвелина. – Эли Радзивилл тоже ведьма, и она не скрывает этого. Возможно не скрывает потому, что никому не делает зла?

– Скорее всего потому, что в Литве еще просто очень толерантны ко всякого рода ведовству, – вспомнив старую княгиню Радзивилл и свою собственную мать, нахмурился Острожский.

В следующую минуту, когда он вернулся к ответу на вопрос Эвелины, его тон стал саркастическим:

– Лусия, как я понимаю, ведьма, потому, что она отравила мою мать?

– Но вы же сказали, что ее укусила змея?! – невинно округлив глаза, вскричала Эвелина. – Впрочем, как я поняла, вы не можете ничего утверждать. Вас же в тот момент не было в Остроленке.

– Лусии тоже! – уязвленно возразил Острожский прежде чем успел осознать, что Эвелина сознательно провоцирует его.

Эвелина насмешливо улыбнулась.

– Князь, прошу вас, не бросайтесь немедленно на спасение вашей тетушки, как только кто-нибудь с неодобрением упомянет ее имя! Она же варит свои травки на кухне, не правда ли? И все об этом знают.

– Травки? – в недоумении переспросил Острожский. – С чего ты взяла?

– Это не я, это вонь, которая доносится из кухни, дорогой, – несмотря на показную кротость тона, в голосе Эвелины прозвучала ирония. – Каждый раз, когда мальчики начинают шуметь в доме, она хватается за котелки и начинает варить свои успокоительные отвары. Бог с ней с вонью, но она предлагает эти отвары мне и мальчикам! Я строго предупредила их не пить никаких зелий тетушки Лусии. И тебе не советую. Не то что бы я до конца верю в то, что она ведьма, но как любит повторять князь Витовт, береженого Бог бережет.

– Тетушка Радзивилл была более опасной в этом смысле, – пробормотал Острожский, решив про себя обязательно поговорить с герцогиней на тему зельеварения.

– Возможно, – уклонилась от возражений Эвелина. – Но мне трудно об этом судить. Она никогда не предлагала никаких травок ни мне, ни моим детям. Дорогой, мне кажется, мы договорились о том, что дом и дети находятся в моем распоряжении. Лусия, проводящая все время на кухне, помешивая свои отвары там, где готовится еда для нас и детей, действует мне на нервы.

– Вы полагаете, она хочет нас отравить? – изогнул бровь Острожский, внимательно глядя в выражение ее лица.

Лицо Эвелины оставалось спокойным, лишь в светлых глазах, как ему показалось, вместе с легкой насмешкой проскочило какое-то странное настороженное выражение, в то время как она заметила:

– Судя по характеру зелий, она скорее хочет, чтобы мы все повально возлюбили друг друга! Потому что, несмотря на то, что она утверждает, что варит успокоительные отвары, то, что она в конечном счете производит, это сильные любовные привороты.

– Любовные привороты? – теперь уже изумился Острожский. – Отчего такая уверенность?

– Вы думаете, я не узнаю запах и вкус любовного приворота, когда я практически выросла в семье деревенской травницы в отцовском поместье, в то время как он все время был на войне? – губ Эвелины коснулась уже отрытая насмешливая улыбка. – Вы думаете, мы не варили все эти зелья с моими кузинами Мариной и Эльжбетой по молодости? Или вы полагаете, что тетушка Лусия изобрела что-то особенное? Все эти отварчики варят из одних и тех же ингредиентов в любой стране!

Острожский притянул к себе Эвелину и, отбросив с ее лица длинные белокурые волосы, заглянул ей в глаза.

– Она что-то давала тебе? – тихо и очень серьезно спросил он.

– Она предлагала мне любовное зелье в качестве успокоительного, – глядя прямо ему в глаза, также тихо отвечала Эвелина.

– Ты его выпила?

Эвелина с недоумением увидела, как внезапно прищурились темные, искристые глаза Острожского, и он непроизвольно еще крепче прижал ее к себе.

– Нет.

Она сделала паузу и проказливо добавила:

– Я дала его выпить вам, мой господин!

В следующую минуту она со смехом отпихнула его от себя, перекатилась по кровати и вскочила на ноги.

– Правда, я не уверена в том, на кого оно рассчитано! – рассмеялась она, ища на полу свои тапочки. – Так что, если вы вдруг восплачете внезапной любовью к князю Скирвойло, идите разбираться со своей тетушкой!

– Ах ты!

Острожский отбросил с себя одеяло, вскочил с кровати и догнав попытавшуюся убежать от него Эвелину, сгрел ее в объятия и повалил на постель.

– При чем тут Скирвойло? – нависая над ней, спросил он.

– Я просто так сказала! Только потому, что Скирвойло, кажется, к ней неровно дышит. Я видела, как он по ошибке глотнул одно из тех зелий, которое она предлагала в его присутствии мне! Впрочем, в одном я точно уверена.

– В чем?

Острожский легко коснулся ее губ быстрым поцелуем.

– Это точно не успокоительное! – проказливо прошептала Эвелина, обнимая его и притягивая к себе его голову.

Жаркие губы князя стали более настойчивыми. Через долгие несколько секунд, с сожалением оторвавшись на секунду от поцелуя, он с легкой хрипотцой в голосе произнес, думая уже о том, что больше никогда не сможет выпустить жену из своих объятий:

– Надеюсь, что если это был приворот, то он направлен на тебя, дорогая!

«Ты даже не представляешь, как ты прав, дорогой!» – насмешливо подумала Эвелина, со вздохом удовольствия принимая к его горячему сильному телу.

Лусия де Монсада бесшумно выскользнула из-за прикрывавшей дверь портьеры и очутилась в темном коридоре. В ее глазах светился огонек азарта. Она с предвкушением подумала, что игра обещает быть интересной. Красавица Эвелина оказалась не так проста, как некогда Алиция Острожская.

Лусия ни на минуту не верила во все эти разговоры про деревенскую травницу. Девчонке, несомненно, кто-то помогает. Недаром она заметила на ее шее тонкую золотую цепочку с болтавшимся на ней неприметным темным камешком агата, которая выглядела изящной безделушкой, но на самом деле была могущественным защитным амулетом. Мощная магия этого амулета была незнакома Лусии, но она непременно выяснит, кто его сделал и что это за магия. Эвелина Острожская была ее добычей, и она не собиралась ее никому уступить.

Вильна, Великое княжество Литовское, лето 1417 г.

Эвелина, Андрей и Зига Радзивилл прибыли в дом князя Ремгольда на краю Вильны сразу же после того, как объявили Лусии, скромно поинтересовавшейся, куда они собрались, что отправляются на прогулку.

Самого наместника Литвы дома не оказалось. Княгиня Ремгольд и Эльжбета Радзивилл нетерпеливо поджидали их в обширной гостиной огромного дома-поместья наместника Жемайтии, который никогда не скупился на меры безопасности, особенно, когда дело касалось его жены.

Бегло взглянув на Эвелину, Эльжбета устало вздохнула.

– Эта ваша тетушка просто неутомима! – сказала она, обнимая Эвелину после того, как поводила руками на расстоянии в несколько дюймов от ее тела, очищая ее от слеза. – На тебе опять целая куча завязок и приворотов. Мальчики чистые, – она внимательно посмотрела на сына и Андрея Острожского, которые вертелись вокруг Алиции, – только ты одна словно вся в перьях. Надеюсь, тебе удалось спровадить ее с кухни?

– Представь себе!

Эвелина рассмеялась.

– Ни за что не догадаешься, как мне это удалось!

– Судя по тому, что ты говоришь о ней в настоящем времени, ты ее не убила, – неодобрительно покачивая головой, заметила Эльжбета. – На все остальное у меня бы ни хватило ни терпения, ни воображения. Так что же ты с ней сотворила?

– С ней – ничего. Я сказала Острожскому, что подлила ее приворотное зелье в его суп, – усмехнулась Эвелина.

– Он не отравится? – нервно поинтересовалась княгиня Ремгольд, прислушиваясь к их разговору.

– У него голова крепкая! – отмахнулась Эльжбета. – Даже если ты действительно вылила зелье ему в суп. Хотя ты там поосторожнее с приворотами. Тетушка что-то уж слишком рьяно за тебя взялась. Никогда не знаешь, что ей придет в голову. Я не удивлюсь, если она в один прекрасный день добавит в свой приворот крысиного яду для верности.

– Девочки, что вы говорите! – ужаснулась княгиня Ремгольд.

– Это мы шутим! – снова легкомысленно отмахнулась Эльжбета Радзивилл. – Слушай, а как насчет того, чтобы подлить что-нибудь эдакое самой тетушке Лусии? – с загоревшимся взглядом сказала она, вновь обращаясь к Эвелине. – Ну так, по мелкой, для расстройства желудка или для выпадения волос. Чтобы она хоть немного оставила тебя в покое и занялась своими собственными проблемами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.